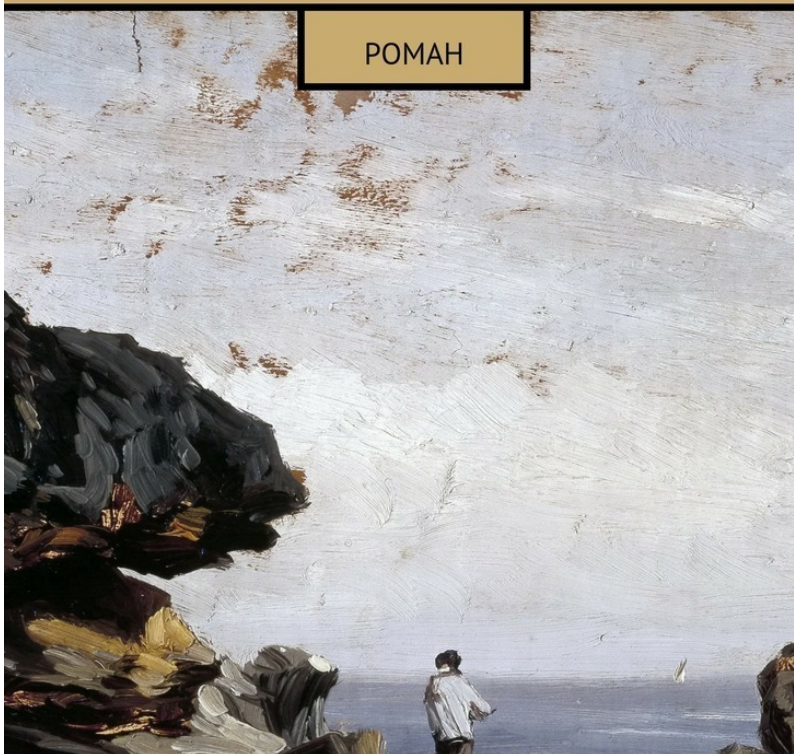

МАРИНА БОЙКОВА-ГАЛЬЯНИ

Прощание с Аэлитой

РОМАН

Марина Бойкова-Гальяни

Прощание с Аэлитой. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25438924

ISBN 9785448560415

Аннотация

Марина Бойкова-Гальяни – автор трёх сборников стихов, двух сборников рассказов и двух романов. Роман «Прощание с Аэлитой» – это история любви двух друзей. Романтичная и драматичная. Замкнутый четырёхугольник.

Содержание

Спасское озеро	5
Жених	12
Огребёшь в этой Вишере	18
Встреча	24
Аэлита	34
Экскурсия	48
Объяснение с Парфёном	79
На озере	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Прощание с Аэлитой

Роман

Марина Бойкова-Гальяни

© Марина Бойкова-Гальяни, 2017

ISBN 978-5-4485-6041-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасское озеро

Ветер гулял по маковкам сосен: деревья отзывались скрипом, жалобными стонами. Воды Спасского озера рябили и надувались. В болотах жировали дикие утки, гуси. Серый журавль охотился на толстых бородавчатых жаб, а в ясном небе кружили два ястреба.

На берег вышел лось, взревел и стал, как вкопанный, мотая головой: кто такой?

Непрошенный гость задумчиво сидел возле чахлого огня: брови изломаны тяжкими воспоминаниями, вокруг губ залегли преждевременные морщины.

Один? Человек? Лось удивленно фыркнул, осторожно переступил с ноги на ногу, медленно скрылся в чаще.

– Вот тебе и ревун¹, – глухо произнес мужчина, и покачал головой, дивясь голосу. Едва сдержался, чтобы не оглядеться по сторонам в поисках говорящего, только вовремя сообразил, что сам издает басистые ноты, виснувшие в нетронutom диком воздухе.

Внезапно ветер стих, и совсем рядом начала скупой отсчет кукушка.

Семен подкинул веток в угасающий костер, и пламя затанцевало, приглашая принять участие в веселье. Солнце

¹ Ревун – так называли сентябрь в древней Руси.

коснулось макушек сосен. Еще немного и на бескрайнюю топь спустится молочная белизна тумана. Он развязал рюкзак, достал солдатский, защитного цвета продолговатый котелок с крышкой-миской, банку тушенки, небольшой пакет гречи и футляр из-под фотопленки – удобная вещь для хранения соли в походе. Продукты сложил на траву, украшенную редкими кленовыми мазками. Выпрямился, держа в руке котелок, и посмотрел на озерную гладь в кайме низких болотистых, поросших мшистыми кочками, берегов. Оранжево-алый закат превратил клюквенную плантацию в поле боя. «После боя» – уточнил Семен, невольно вспоминая Первую Чеченскую компанию. Там в далеком девяносто пятом он встретил парня с редким именем Парфен.

Бок о бок прошли товарищи жестокие годы службы в Чечне и не раз попадали в отчаянные переделки, когда, казалось, спасенья нет. Дружба не подвела. Парфён родом из Малой Вишеры, что на новгородчине, а Семен из небольшой уральской заимки в нескольких десятках километров от города Красновишерска, на берегу, удивительное дело, горной, норовистой реки Вишеры.

Семен вспомнил штурм Президентского дворца в Грозном. Январь девяносто пятого. Во время уличной схватки чеченский боевик обошел Семена с тыла, уралец едва успел выхватить кинжал из-за голенища, но чеченец сильным ударом ноги в челюсть на миг вырубил его сознание, перехватил железной хваткой запястье и вывернул. В глазах моло-

дого солдата потемнело: он взвыл и уронил клинок:

– Смерть! – Пронеслось в мозгу. Тиски злобных рук врага на горле, – Прощай, мама!

От удушья глаза лезли из орбит. Потеряв сознание, Семен рухнул на мостовую. Последнее, что видел – зубы вампира в дьявольской усмешке.

– Вампир? Ничего удивительного.

Пришел в себя оттого, что на лицо текла вода.

– Дождик, – прохрипел удивленно, чувствуя резь в горле, – я болен? Ах, да, укус вампира.

– Я расправился с тем, кого ты называешь вампиром, дружище!

Семен открыл глаза и радостно улыбнулся:

– Парфен? Живой!

– Очень живой. А вот ты, чуть не сыграл в ящик. Насилу отбил, думал, хоть труп заберу, чтобы было кого хоронить. Ан нет! Приложил ухо к губам – тепло! Жить до ста!

– Э, нет, до ста сорока. Горло саднит. Чуть не удушил, вурдалак чеченский.

– Ерунда, пройдет. Главное – живой!

– Где мы? – Семен огляделся, – пещера?

– Подвал. Еле затащил тебя. – Парфен прислушался, – отступают.

– Боевики?

– А то, кто же? Наши бьются за нефтяной институт. Глотни, – товарищ протянул флягу, – водка.

Семен сделал глоток и поморщился:

– Болит. Шея и челюсть, – он несколько раз открыл-закрыл рот, – сволочь! Удрал?

– Хм! Мертвые не бегают. Туда ему и дорога, – Парфен сплюнул, побледнев. – Идти можешь?

– Могу. Где мой автомат?

– Смотри! – Друг повернулся боком: на плече висели два автомата. Один снял, – Держи, Сеня! Драться в состоянии?

– Да. Идем.

Друзья вышли из подвала, и, прижимаясь к стенам домов, осторожными перебежками отправились догонять ушедших товарищей. Уличные бои в Грозном продолжались, то и дело вспарывали тяжелый воздух автоматные очереди. Наконец, догнали своих, и ворвались в здание института.

Семен открыл глаза от легкого прикосновения к щеке. Лестничные мышцы!

Темнело. Пелена тумана висела над озером, ползла по болотистым берегам. От костра остались тлеющие угли. Пожегся: холод проник под куртку. Под ложечкой противно сосало, страшно хотел есть. Семен посмотрел на банку тушенки и нетронутый пакет крупы:

– Лентяй, зачем лишку тащил? Кусок колбасы и хлеба буханка – вся недолга. Одному готовка не в радость.

Мужчина снова открыл рюкзак. Вытащил на этот раз бутылку водки, стакан, налил немного, выпил, занюхал рука-

вом.

– Дожидай, покормлю и тебя, – обратился к угасающему костру, – эвон, сколь веток наломал! – Показал рукой на сложенные неподалеку горой еловые лапы и пиленые кругляши, заготовленные еще днем. Поднялся, взял охапку и кинул на раскаленные угли. Пламя взметнулось к небу, обдавая жаром. Семен взял котелок и пошел к озеру.

Внезапно почудилось, из воды пристально за ним наблюдают. Семен застыл на месте. Никого! Зачерпнул воды и долго стоял, вглядываясь в озерную гладь.

– Дружище, всюду тебе вурдалаки да нечисть мерещится, – сказал, подражая голосу Парфена.

– Так я ж родом из уральской глухомани. В нашей-то Вишере полно русалок, а в лесах леших, – ответил сам себе, возвращаясь к костру.

Солнце окончательно село. Темнота обступила пылающий костер, протягивая к человеку голодные костлявые руки. Проявились белые камни, образующие круг, пугая нечисть. Зловещие тени держались ближе к лесу, не решаясь нарушать запретную полосу.

Армейским ножом Семен ловко открыл тушенку, им же отрезал ломоть черного хлеба.

– Вот это перехват! А каша подождет другого раза.

Он посветил фонариком на руку:

– Всего то? Детское время.

Снова налил немного водки, выпил, погрузил в тушенку

алюминиевую ложку. Зажевал, причмокивая!

– Может, чаю?

– Чаю! – потребовало эхо.

Семен погрозил лесу пальцем:

– Не балуй!

Лес промолчал.

Завыл волк, тоскливо, отчаянно. Семен замер, слушая. В солнечном сплетении рождалась уже знакомая боль, и он знал, что через несколько минут она скрутит внутренности, огнем пройдет вдоль позвоночника. Боль потери, боль одиночества.

Мужчина тихо заскулил, подзывая хищника.

Огромная волчица ступила в полосу огненных бликов. Глаза ее превратились в красные уголья.

– Здравствуй, дорогая! Видишь, явился без друга лучшего. Три года с хвостиком. Ох, ядрить в колено! Болен, небось, Парфенка. Тать его внутренности гложет. Да, ничего, матка обещалась приехать и заговор начитать. Авось, оправится, лешака милый.

Волчица подошла ближе, и по-собачьи играя бровями, уселась в нескольких метрах от него, слушая голос, склоня голову набок. Семен, не сводя глаз со зверя, медленно развязал рюкзак, вытащил кусок подвяленной говядины, завернутый в целлофан, развернул и положил на землю. Сам присел поодаль.

Волчица взяла мясо и унесла в темноту.

Семен знал, что насытившись, она снова придет к костру, поблагодарит глазами и уйдет до следующего сентября.

Боль отпускала.

Жених

Пять лет переписки, поздравительные открытки, ненавязчивые, совсем ни к чему не обязывающие приглашения. И вдруг Семен решился: навещу боевого друга, тем более, четверть века – юбилей, а не хухры-мухры.

Жизнь на заимке не сахар. А тут еще мать торопит со свадьбой, внуков жаждет:

– Семка, черт гуливый, второй год с Наталкой вожжаешься, стыдно в глаза соседкам глядеть. Компрометируешь девку.

И вдруг, он решился:

– Ладно, ма! В июле дружка боевого проведу, а осенью поженимся с Наталкой, однако.

Мать вскочила, ахнув, забегала по дому:

– Ай, вот и хорошо, вот и распрекрасно! Готовься сватать по деревенскому обычаю.

– К чему, ма? Какой век на дворе?

– Времена всегда одни. Позабыли обычаи. На сто браков – восемьдесят разводов. А то вместе не венчаны поживут, а потом, глядь, и разбежались. У нее другой хахаль, у него новая пассия.

– Успокойся, мамуля! – Сын обнял мать и поцеловал седую прядку на виске, – если женюсь, то на всю жизнь.

Разговор был в апреле, а посватался Сеня к Наталье

в середине мая. Венчание и свадьбу сговорили ровнехонько в самую середку октября, аккурат пятнадцатого. Октябре на Урале суровые, самое время погреться на южном солнышке. Решили поэтому медовый месяц провести в Сочи. Конечно, октябрь и Сочи не жарит, но для уральца – в самый раз!

К товарищу с пустыми руками не поедешь. Чем живет сибиряк и уралец? С осени как бурундук кедровые орехи запасаает. Насыпал Семен для товарища целый ящик прошлогодних орешков, сверху полиэтиленовый пакет гречишного меда с дедовой пасеки уложил и посылкой отправил в новгородчину.

Часть гостинцев решил везти в рюкзаке сам. Упаковал большой кусок вяленой медвежатины, изысканное охотничье лакомство, несколько банок хрустящих соленых груздочков, варенье из дикой клубники в изобилии растущей по склонам холмов, ароматное, собравшее ласковое тепло короткого лета, черемуховую муку для пирогов (чай, мамаша сотоварища большая мастерица). И куда без знаменитой сибирской облепихи? Янтарное варенье и бутылочка ценного масла. Что еще?

– Мам! Кажется, упаковался.

– Серу². Серу положил, сынок?

– А, точно, забыл жвачку сибирскую. Сам же топил, голова дырявая. Положу разной: вот – пихта, вот – кедр, вот –

² Смолка, живица.

сосна.

Понюхал: м-м-м!

– Сыночек, рюкзак неподъемный!

– Ничего, мама, осилю. Помнишь, медведя тащил? Косолапый тяжеле будет.

Вечер перед отъездом Семен, как водится, с Наталкой, сватанной невестой провел.

– Смотри! Коли другую полюбишь, взойду на камень Писаный³, и в воду брошусь!

– Не люблю, – Семен притянул девушку к себе, нашел горячие, солоноватые от слез губы.

Наталья отстранилась:

– Дай насмотреться на тебя, Соколик! Нет, плакать не стану, – отвернулась, пряча лицо.

– Ай-яй-яй! Не стану? – Семен повернул девушку к себе, – а это, что за ручки? Глупыха, не навек прощаемся. Две недели не срок. Вытри слезки.

За стеной, в кухонном куте⁴, будущая теща усиленно гремела посудой. Парень прижал девушку к себе, целуя губы,

³ Писаный камень расположен на правом берегу реки Вишеры, в шести километрах ниже деревни Акчим. Притоком Вишеры, речкой Писанкой, разделяется на две части. Нижняя часть тянется по берегу Вишеры и называется Белоусовской – отвесная скала до двенадцати метров высотой. Свое название Писаный камень получил от нарисованных красной охрой изображений оленя, медведя, лисицы и других зверей. Изображения находятся высоко над водой. В камне имеются пещеры.

⁴ Кут – в толковом словаре В. Даля одно из значений: стряпная за перегородкой.

шею, расстегнул пуговицы на блузке:

– Натаха, будь моей до свадьбы!

– Нет, нет! Обманешь.

– Зоренька ясная! Обману, мне не жить. Мать проклянет. Любимая!

– Нет, – прошептала девушка, обессилив, – пожалуй-ста, нет.

– Да, – настаивал молодой человек, – все равно поженимся. Он прислушался: шум стих. – Будущая теща, – подумал, – ишь, затихарилась.

– Наталка, – позвала мать, – слышь, ай нет? Иди, чо скажу.

Девушка вскочила, лихорадочно застегивая блузку:

– Мамка кличет! Уступлю – худо мне будет.

Наталка убежала. Семен переждал, успокаиваясь. На губах остывал поцелуй девушки, молодой человек едва сдерживал желание провести языком там, куда льнули юные уста Натахи. Сердце заныло:

– Еще не уехал, а уже тоскую, Зоренька моя! Любимая! – прошептал Семен.

– Сеня, – девушка вбежала, бросилась в объятия, – не пу-шу! Прижму к груди и не пушу!

– Идем, – горячо зашептал парень, – идем ко мне на чердак. Мать не узнает. Или боишься?

– Себя боюсь, золото мое! Не устою.

Семен взял Наталку за руку, потянул за собой. Она послушно шла следом.

– Куда это вы направились? – Мать девушки стеною преградила путь.

– Прогуляться, тетка Зарина. Чудный вечер ныне – звезды рассыпью.

– Ты, парень, мотри, девку не спортить! Звезды. Потом сам не возьмешь.

– Глуposti, двадцать первый век за окном.

– Чай, не дура, знаю. Неча по закоулкам жаться, милуйтесь дома, а я «Мелроуз Плэйс»⁵ буду смотреть.

– Ладно, – не выпуская Наталкиной руки, Семен присел на край дивана, усадив девушку рядом. Тетка Зарина плюхнулась с его стороны, подтолкнув локтем:

– Потеснись, молодежь! Вот и ладно.

Втроем уставились в телевизор: будущая теща увлеченно, переживая за любимых героев, а влюбленные, абсолютно не понимая действия, происходящего на экране, поскольку желания и помыслы сосредоточились друг на друге. Пальцы молодого человека гладили ее ладонь, и она понимала, что Семен хочет сказать.

Наконец серия закончилась, и тетка Зарина встала:

– Прощайтесь, голубки. Можете поцеловаться, я отвернусь. Во сколько подкидыш на Красновишерск?

– Мама, ты же знаешь.

– Ладно, дочка. Сватья то будет провожать на вокзал?

– Мама проводит до Красновишерска. А уж до Перми сам.

⁵ Мелроуз Плэйс – американский сериал (1992—1999).

– Вот дочка и ты со сватьей езжай.

– Спасибо, – глаза девушки увлажнились.

Тетя Зарина отвернулась и молодые поцеловались.

– Ну, я пошел? – Семен на секунду задержался у дверей.

– Две минуты, – будущая теща вышла на кухню.

Семен горячо обнял невесту, шепча клятву верности.

Огребёшь в этой Вишере

Поезд набирал ход. Прошное отступало и Семену казалось, что образ любимой блекнет с каждым оборотом колес. Проводник предложил чаю и лишь теперь молодой человек ощутил голод. Мама собрала в дорогу шаньги, подорожники, отварную курицу, малосольные огурцы и хлеб домашней выпечки. Вагон был плацкартным и пассажиры в основной массе, распаковывали термоски, выкладывая снедь на приоконные столики. Три соседних места занял мужчина с женщинами примерно одного возраста.

– Будем знакомы, сосед! Я – Жора, моя жена – Ульяна и сестра Настена. – Упитанный мужчина неопределенного возраста, протянул Семену причудливо татуированную руку. Тот пожал:

– Семен. Куда едете?

– В Питер. Дамы страсть хотят поглядеть северную столицу. А ты, братан?

– В Малую Вишеру через Питер. Сослуживца проводить.

– Где служил?

– Чечня.

– А я Авган прошел. Дамы, подсуетитесь.

– Ладно, чего там.

– Не жмись, браток. Мечи припасы!

Семен выставил бутыль первача и закуску.

– Ого! – одобрил новый знакомец. – Вздрыгнули за женщин, потом со свиданьем.

Выпили.

– Малая Вишера, это же в наших краях. Не понял!

– А еще в новгородских землях!

– Иди ты! Бабоньки, слышали? Новгородская Вишера!

– И чего ж удивительного? – Вмешалась Ульяна, – тебе, Жора, все в диковину, на самом деле хватает одноименных сел, разных первомайских, дубков и прочих.

– Вишера не Дубки. Мистическое совпадение. Чую, не спроста.

– Мели, Емеля, – Ульяна толкнула мужа локтем в бок. – Мистика.

– Ты, благоверная, помолчи. У меня нюх. Попомни, Сеня. Огребешь сполна на свою задницу в этой, как ее, Вишере.

– В Малой, – подсказал Семен. – Наливай еще, брат. Выпьем за туманное будущее. – Он выпил полстакана самогона и подцепил вилкой черемшу, – славно посолена.

– Ульянка старалась.

Жорина супруга зарумянилась и потупила взор:

– Спасибочко на добром слове.

– Туманное будущее, – повторил Семен, – погощу у дружка две недельки, и назад подамся к невесте Наталке. Свадьба назначена. А там семья, работа. Отпрыгался. Такая вот мистика.

– Любишь свою Наталку?

– Очень.

Настена, сестра Жоры, зевала, глядя в окошко. Темнело, мелькали редкие фонари проплывающих деревень.

– Говорят, в Петербурге летом ночей не бывает.

– Бывают, но светлые. Небольшие сумерки. Увидим.

Не выпалась?

– Где там? Поднялась ни свет, ни заря.

– Верно из самого Красновишерска?

– Не угадал, служивый, бери ближе – из Соликамска.

– А я до Красновишерска верст тридцать отмахал местным подкидышем, а уж дале автобусом.

– Эк забрался. С заимки чо ль?

– Ну, – Степан подавил зевок.

Настена кивала носом. Жора потянулся:

– Эхе-хе! Уснешь, глядя на вас.

Развернул матрац на верхней полке:

– Идем, Уля, бельешко получим.

Та закопошилась, настороженно глядя на Семена. Тот повернулся лицом к противоположной стене и тоже развернул матрац.

– Сколько надо, Жора?

– Давай триста, не ошибешься.

– Триста? Боже, правый!

– Да не знаю сколько.

– По тридцать рубликов бельешко, – сказал Семен, доставая из старинного, с металлическими пряжками, выцветше-

го чемодана, спортивный костюм.

Дамы спешно ретировались в туалет. Жора через несколько минут скрылся в том же направлении. Переодевшись, Сеня отправился к проводнику за бельем и на полпути столкнулся с попутчиками, торжественно несшими на вытянутых руках простыни, отдающие за версту влагой.

– Мы уже! – похвастал Жора. – Девчонки спать лягут, а мужики – в бордель, – расхохотался, довольный шуткой.

– Мне только этого не хватает! – Покривился Сеня.

Когда вернулся, компания улеглась: Жора на верхней полке, дамы – на нижних.

Постелил себе, улегся на спину, подложив правую руку под затылок, а левую на грудь. Стук колес убаюкивал, и скоро молодой человек уснул. Снились мать, Наталка почему-то в черной старообрядческой хламиде до пят. Мать шевелила губами, осуждающе качая головой, а Натаха повторяла словно попугай:

– Брошусь с Писаного камня вниз и поминай!

Семен застонал, очнулся. Жора бормотал во сне. В вагоне было душно, горло саднило.

– Огребешь сполна в этой Вишере, – вспомнил слова попутчика.

– Тоже мне, предсказатель хренов.

Включил подсветку над полкой, свесив голову, посмотрел на столик:

– Слава Богу, квас не выпили!

Исхитрился удлинить руку так, что бутылка оказалась горлышком между средним и указательным пальцами. Поднял, припал губами, жадно глотнул: хорошо!

Жора всхрипнул, пробормотал:

– Мать ети! – и повернулся носом к стенке.

– Поезд резко тормознет, и навернется мужик с верхней полки, – подумал Семен, притягивая к себе ясную, как день картину падения Жоры: вот он кубарем катится с полки, головой о столик, удар, хруст шейных позвонков, вопль.

– О-хо—хо! – Простонал сосед, резко повернулся на спину, отмахиваясь свободной рукой, и едва не потеряв равновесия, ухватился за ручку на стене, – Бляха-муха! – выругался, проснулся и тяжело кряхтя, слез вниз, – жарница!

Сеня вернул на стол бутылку с квасом:

– Не спится?

– С непривычки. Курить хочешь?

– Ну, – ответил Семен, осторожно слезая вниз, и подтянул спортивные штаны, – что куришь?

– «Петр Первый», а ты?

– «Оптиму» – дешево и сердито.

Вышли в тамбур. Пассажиры спали.

– В купейных, верно, кондиционеры, а плацкарта....

– Мы пассажиры низшего класса, – кивнул Семен, – да мне и так нормально, чай не барин. Еду и ладно. К товарищу прибуду – наотдыхаюсь!

– Встретит?

- А то. Из Питера сразу в Вишеру.
- И город не покажет? Жди, мол, другого раза.
- Покажет, обещал. Я же на две недели.

Встреча

Он едва узнал товарища в мускулистом плотном мужчине. Парфен сам окликнул:

– Сеня! Здорово, корешок дорогой!

Обнялись.

– До электрички телега времени, посидим где-нибудь, выпьем. Погодь, берем тачку до Московского вокзала. Рюкзаки – в камеру хранения там же.

– Тачку?

– Такси.

– Эт понял, но зачем тратиться?

– Без разговорчиков!

Семен, вздохнув, пожал плечами.

– Куда едем, деревня? — добродушно окликнул водитель серой «Вольво».

– Московский вокзал.

– Вещи в багажник!

– Понял, не дурак, — ответил Парфён, толкая товарища к машине.

– А что, заметно? — Семён захлопнул заднюю дверцу, усаживаясь поудобней.

– В смысле?

– Деревня.

– Хм. На лбу написано.

– Это площадь Восстания, а там знаменитый Невский проспект. Спасибо, шеф. Сдачу себе оставь.

Я забил на работу, сам себе хозяин, несколько деньков проведем в Вишере, а потом – экскурсию по Санкт-Петербургу. Кстати неподалеку чудная кафешка: кормят на убой, выпивка двадцать четыре часа и кальян. Идем, угощаю! Только багаж сдадим.

Время за разговором летит быстро. Друзья не уследили за ним, но Парфен махнул рукой:

– Ерунда, вечерние электрички идут с интервалом в час.

– Значится, на железке работаешь?

– У нас полгорода – железнодорожники. Остальные – стеклодувы и продавцы. Но я теперь строительную артель открыл: крыши, заборы, дома, колодцы. Уже и лицензию получил. Сезонка, но что поделать?

– Негусто. Хотя у нас гораздо хуже. Работы нет. Живем натуральным хозяйством. Покупаем лишь чай да сахар.

– Хорошие люди нужны всюду. А в Питере резиновые границы. Обвыкнешься, может, в мегаполис подашься. Мужчина с руками тыщ пятьдесят весит. А то больше. Десятка на съем комнаты. Во, хватит! – Провел большим пальцем по горлу, – еще мамке поможешь!

– Невеста ждет, – вздохнул Семен, – отлетался, я, брат.

– Невеста?

– Женюсь в октябре. Приезжай!

– Приеду.

– У самого девушка имеется? – Семен подмигнул.

– Есть и нет, – Парфен усмехнулся, – странная она.

– Любишь?

– Не знаю. Вижу – злюсь, не вижу – грущу! Сирота, думает много, бродит одна, девок сторонится. Мамаша в ней души не чаёт. И то, с младенчества дружила с покойницей Весной, ее родительницей.

– Красивая?

– Увидишь. Зачем обо мне? о своей жене будущей поведай.

– Наталка моя, красавица писаная, зеленоглазка. А волос – чернее ночи. Коса – ниже пояса, что рука, такая толстая. И, самое удивительное – любит!

– А чем ты плох? – Парфен оценивающе взглянул на товарища, – мужчинский мужчина. А квадратики на животе мечта. У меня таких нет.

– Квадратики? Чушь! – Семен весело захохотал. Парфен присоединился.

Рассчитались за обед, и вышли, вдыхая запах автомобильных газов.

– Слышал о вонии городов, но тут..., – закашлялся.

– В столице еще хуже. Идем за вещами.

В электричке народу совсем немного.

– Набегут, – уверенно сказал Парфен, – только после Любани останется мало. Летний сезон, дачи. Сиди, за пивом

слетаю. А рюкзак закинем на полку, чтобы не пинали мазурики всякие.

Сеня разглядывал входящих.

– На заимке народу меньше, чем в одном вагоне.

Через пять минут прибежал товарищ с пивом.

– Ехать около трех часов, с пивом — меньше. А это — сушеные кальмары. Супер, едрён батон!

– У нас до ближайшего магазина автобусом сорок минут, и ходит через день. За пивом не наездишься, если мотоциклет на приколе. Но мамкин самогон оценишь. Слеза!

– Пивани, Сеня, «Бочкарева»!

Семен согласился, пиво хорошее.

– Посылочку получил?

– Нет. Посылки недели три идут. Если что скоропортящееся....

– Ничего. Курить можно?

– Идем в тамбур.

Малая Вишера оказалась небольшим городом. Парфен жил неподалеку от вокзала в старой половине, в районе частных домов. Лохматый пес лаем и вилянием хвоста приветствовал хозяина.

– Бостон, – сказал Парфен, – это мой товарищ, люби его, – потрепал собаку, и махнул рукой, – идем в дом, Сеня.

Полная женщина радушно обняла Семена:

– Уж столько сынок рассказывал о вас. Евангелика Нифонтовна, но зовите просто тетя Женя.

– Да и меня без церемоний на ты.

– Хорошо, сына. Фёна, помоги дорогому гостю вещи разобрать, покажи, где ночевать будет.

– В моей комнате. Идем, дружище, переоденься с дороги. Рюкзак (там продукты?) на кухню. Фу, жарница! Шорты с майкой в самый раз. Видел, как ходят городские? Почему я не могу? Вечно парюсь в городе, одеваю костюм. По одежке сразу видна деревенщина.

– А у нас шорты только детишки носят. – Семен вытащил из чемодана спортивный костюм.

– Хочешь, свои отдам? У меня этих шорт....

– Не надо. Стесняюсь голоногим на людях.

Тетя Женя выставила закуски и пирог с мясом.

– Усаживайтесь, ребятки. Сынок, налей шампанского со знакомством.

Парфен наполнил бокалы:

– Ура!

Семен пригубил.

– До дна, до дна, Сеня.

– У меня в рюкзаке гостинцы.

– Успеешь. Долго ты ко мне ехал, дружок разлюбезный.

Но теперь мы не расстанемся на многие годы. Следующим летом жди меня. А до того – на свадьбу гряну.

– Точно соберешься?

– Обещаю.

– Смотри, а то ведь, обижусь.

Парфен взялся за бутылку шампанского.

– Матери наливай, – подмигнул Семен, – а мы выпьем уральского плакучего кедровничка.

Удалился в кухню, через минуту вышел, торжественно неся в руке литровую бутылку:

– Слеза! Мамка гнала. Утром голова свежа, тело бодро и дух приподнят. Рюмашки неси, паря.

– Держи стопарики!

Выпили. Парфен крякнул:

– Эк, хороша! И ни грамма сивухой не отдает.

– Я же говорил.

– Завтра баньку стопим. Напаримся. А и вода в речке теплая. До сна купнёмся. Верхнюю пыль смоешь.

– Говорила сынку: баньку к приезду дорогого гостя сладить. Так нет. Упрямец, Парфёнка мой.

– Ничего, тетя Женя. После вагонной жарыни в проточную водицу – красота! Тело прохладится, душа возликует. – Подмигнул Семен.

– Что ж, как знаете, молодежь. Справитесь, а я к Гавриловне наведуясь, огурчиков снесу. Тяжело ей с огородом управляться: годы! Дай Бог, картоху выкопать.

– Ладно, обещал, помогу твоей Гавриловне, – кивнул Парфен. – Да мы не засидимся. Что здоровым парням животы набивать? Закругляйся, Сеня. Чаю хочешь?

– Чайку с удовольствием! Обожаю сей напиток. Бывало, с мамкой вечером сидим из блюда сёрбаем и в телек пя-

лимся. Конечно, зимой больше. А летом дел неспорно: скотина, огород, рыбалка. Осень – охотная пора: сею для медведя, кабана овес в дальнем наделе. Попробуешь вяленой медвежатины. Вкус необыкновенный!

– Я медведя кушал! Парни в Большой Вишере, дружки-приятели, охотничий бизнес имеют. В самой глуши (вездеходом сутки трястись по болотинам) поставили рубленый дом, огромную баню. Возят олигархов стрелять лося, кабана и того же медведя. Фото памятные. Те платят немерено, конечно, по заказу девчонок из Новгорода берут.

– Охота не терпит мирских сует. Но теперь и на Урале орудуют браконьеры целыми бандами. Где крутятся большие деньги – что такое жизнь пары-тройки егерей?

– А говоришь, не терпит. Быют зверя почем зря. Читал, у вас тигров осталось около пятисот, а леопардов и того меньше, пятьдесят.

– Это не у нас. Амур, знаешь где? От нас пылить еще тысяча пять километров. На Урале, брат, тигры не живут. А вот Снежного человека однажды сам видел.

– У нас тоже андошка водится. Однажды похитил Снежный человек бабу из деревни Селищи, странная была и люди не любили. Авдотья не могла жить с людьми, однажды собрала узелок и в лес. Ночевала в барсучьих норах, в шалашах из мохнатых еловых лап. Видели поначалу, а вскоре и след простыл. А как-то попала на глаза охотнику, с шерстяным дитем, говорят, лицом в мать. Так местные и называли лесно-

го человека авдошкой или андошкой. Такая вот притча.

А еще был случай. Там же, в Селищах. Сосватал девушку Настю парень Василий. Поделки из дерева мастерил, и в Новгород возил продавать. Однажды пошли девчата в лес по ягоды. Разбредлись кто куда, потом домой идти, а подружки нет. Решили, что раньше их вернулась. Но в деревню Настя не пришла. Жители искали неделю впустую, а Василий вернулся из города и нашел свою невесту, ягоды собирала. Отказалась идти с ним.

– Не могу, – говорит, – теперь лесному жителю предназначена.

Выследил Василий обоих и с горя порубил топором и Настю, и мужа дикого. Покаялся будущему тестю. Отец нашел трупы, схоронил на опушке леса возле тропы и камень положил с надписью.

– Известно, где могила?

– Да. За кладбищем, как идти на село Горнецкое. Только уже позднее перезахоронил туда Настины останки некий чудаковатый профессор. А куда делись кости авдошки неизвестно.

– Ясное дело. Ученый забрал, чтобы секретно обследовать, – сказал Семен. – Потому и суетился насчет перезахоронения.

– Все говорят. Профессор объездил Алтай, Урал в поисках снежного человека.

– Я видел снежного человека, – повторил Семен, – урод,

каких поискать. Выше нас дикие места. Где и живут йети.

Парфён засмеялся.

– Только мне не до смеху было. Чуть штаны не обмочил. – Семен нахмурился, – идем купаться или будем разговоры говорить?

– Жди, мотоцикл заведу. Пёхом далековато.

– Жаль, думал прогуляемся. Я с тобой.

– Идём.

Парфён вывел из невзрачного сарая мотоцикл «Урал», любовно похлопал по баку:

– В наследство достался от батьки. Машина – зверь! Сносу нет.

Мотоцикл завелся с оборота. Товарищи рванули с места. Через пять-семь минут Парфён остановился возле озера:

– Верхний разлив, – махнул в сторону водоема. – Бывшая плотина. Видел ручей?

– Ну.

– Речка Малая Вишера. Есть и нижний разлив, около станции. Лягушатник, дно илистое. А здесь полгорода купается. Теперь половина жителей дрыхнут, а другие гуляют. Светло, как днем.

– Почти двенадцать. – Семен скинул треники, футболку и остался в плавках.

Парфен поставил мотоцикл на опору и последовал примеру друга. Оба с разбегу нырнули в теплые воды.

– В нашей уральской Вишере долго не поплаваешь, вода

ледяная! Айда на тот берег! Кто первый?

Пустились наперегонки. Семен обошел друга на целый локоть, случайно посмотрел назад, и затормозил.

Аэлита

Возле старого мотоцикла сидела девушка и наблюдала за гонками. Парфен вернулся к товарищу:

– Что же ты?

Семен, молча, кивнул на незваную гостью. Парфён помахал девушке рукой, и та, привстав, ответила тем же.

– Знаешь девку?

– Я говорил о ней.

– Та, которая со странностями?

Парфён промолчал, улыбаясь во весь рот.

– Плывём? – Спросил Семён, – или вернёмся?

– Наперегонки! – Парфён рванул, оставив на этот раз товарища позади.

– Ишь, корявый блин, старается перед девчонкой! – Сказал себе под нос, но друга догнать не смог.

С минуту посидели на пляже, и снова наперегонки, уже обратно. На этот раз ничья!

Семен, смущаясь, вышел на берег. Парфен быстро подбежал к девушке и окатил водой из сложенных лодочкой рук. Девушка засмеялась, и Семен вспомнил горный ручей, свою Вишеру. Тепло разлилось по груди.

– Мой товарищ, Семен. Сеня.

– Догадалась! Сказать по-правде, не утерпела, зашла к тебе, а мама сказала, купаться поехали.

Теперь Семен увидел велосипед, лежащий на боку.

– Меня зовут Аэлита, просто Лита. – Протянула Семёну узкую ладошку, которую тот пожал, с церемонным поклоном.

– Как название романа Алексея Толстого?

– Именно. Ты знаешь?

– В детстве читал пять раз.

Семён подошел к воде. Лёгкий ветерок вызывал мелкую рябь, которая была сродни той, что будоражила его душу. Парфён болтал с девушкой, а Семен удивлялся тому, что можно вот так просто говорить с небесным созданием зовущимся Аэлитой. Полуобернувшись, кинул взор на Литу: он ошибся, ничего особенного. Даже не симпатичная! И что нашёл Парфён?

Аэлита засмеялась: мурашки пробежали по телу.

Семён нахмурился: вот ещё! Спору нет, ангельский голос. Интересно, какого цвета у неё глаза? Карие? Не совсем.

– Дружище, едем!

– А как же Аэлита? Пусть она едет с тобой, а я следом на велике.

Парфен перекинул ногу через сиденье «Урала» и похлопал рукой сзади:

– Литка, садись!

Аэлита уселась позади Парфёна и обхватила руками за талию. Семён оседлал велосипед.

Несмотря на глубокую ночь, темноты не было, что восхи-
тило уральца:

– Эх, жаль, уральские ночи черны. Красота, славно гулять
по деревне, тепло.

– Малая Вишера считается городом. – Возразил Парфён,
ставя мотоцикл в сарай.

– Ладно, я домой, – сказала Аэлита.

– Нас дожидай, проводим. Сеня ночной город поглядит.
Другу белая ночь в новинку, – Парфён улыбнулся, хлопнул
товарища по плечу.

Девушка внимательно посмотрела на Семена. Тот покрас-
нел: глаза цвета чая, чайные глаза. А ведь она красавица! Как
он сразу не понял?

– Быстро забыл Наталку, – но мысль не принесла угрызе-
ний совести. – Чушь, ведь только приехал, новые впечатле-
ния, лица. Однако, это естественно. Утром встану с думой
о невесте. Натаха, Натаха.

– Литка, не смущай кореша! А ты, старик, краснеть пере-
стань. У Литухи манера в упор глядеть. Не каждому нравит-
ся такой рентген.

Девушка усмехнулась и перевела глаза на Парфена.

– Гипноз! – Тот нежно коснулся пальцем носа девушки. –
Меня чарами не возьмешь. Ну что, побродим?

Семен пошел было со стороны товарища, но Аэлита пере-
строилась, чтобы идти посередине, между друзьями.

– Теплее, – усмехнулась она, хотя ночь была и в самом

деле прохладной.

Парфен значительно качнул головой, скрывая ревнивый укол:

– Кокетка. На то она и девушка, старина. – Мысленно успокоил себя. Украдкой покосился на товарища, – Шварценггер отдыхает. Хорош гусяка!

– Что молчишь? – Аэлита коснулась его локтя.

– Блаженствую. Не верится: рядом товарищ с далекого Урала и милая девушка.

– Не такая и милая, – заметила Аэлита. – Кто меня называет колдуньей?

– Каюсь! Но в положительном смысле. Я запал на тебя! Да и Семену, кажется, ты очень нравишься. Эй, друг, признавайся, мать твою!

– Признаюсь, очень! – Семен деланно рассмеялся.

– Ты, Литка, учти: у братана невеста на Урале, красавица.

– Правда, красавица?

– Ну.

– М-да. Ответ не впечатлил. Мы пришли. Здесь я живу.

Остановились возле низкого заборчика с покосившейся калиткой. Аккуратный дом в три окна, палисадник, в котором квохтали несколько курочек, и горланил петух, кося на Семена ревнивым глазом.

– Собаки нет?

– Одно слово, что собака. Молчун, Молчун!

Теперь Сеня увидел будку, полускрытую раскидистой

кроной ветлы. А затем пса, недовольно глядевшего из личного домика.

Парфен сказал:

– Хороший сторож! Зайдешь на территорию, только обратно не выпустит. С ним надо подружиться. Аэлита!

– Ладно, идем!

Молчун вылез из будки и вилял хвостом, глядя на хозяйку. Аэлита погладила верного пса, и показала жестом на Семена:

– Свой!

Молчун улыбнулся по-собачьи, во всю пасть: губы растянулись до самых ушей. Хозяйка махнула рукой. Семен приблизился, дал псу обнюхать себя, и похлопал дружески того по холке.

– Теперь он запомнил тебя, вот, – Аэлита протянула Семену руку: нежную, такую маленькую, – Спокойной ночи!

Парфен стоял, многозначительно глядя на товарища. Тот понял, вышел за калитку, потянул сигареты. Сквозь табачный дым возник образ Наталки:

– Взойду на камень Писанный и брошусь вниз!

Образ был настолько реалистичен, что Семен провел рукой по лицу. Парфен тихо затворил калитку:

– Идем?

– Знаешь, однако, твоя Вишера для меня большой город. Одичал на заимке. У нас ведь домов десятка три не боле. Даже своего магазина нет. Мотаемся, едрена, за пятнадцать

километров кто на автобусе, а кто на мотоцикле, у нескольких человек лошади. Да и как без лошади? Поле не вспашешь. В Красновишерск собраться все равно как в Нью-Йорк. А в Питер, примерно на Луну. Хотя, любой город, что планета. Дикари, одно слово!

– Плохо. Ты, парень, жизни не видел. Помотайся по Руси, а потом уже к невесте возвращайся. Если любит, поймет. Да и ты, блин, мечешься, вроде. Дорога ли тебе твоя Наталка?

– Дорога, – голос Семена звучал фальшиво.

– Дорога, – усмехнулся Парфен. – Я тоже кажись, влюблен в Аэлилу, но и других девчат обделять вниманием не спешу. А куда торопиться? Так женишься, а потом раскаешься: елы-палы, не догулял.

– Если любишь, не раскаешься.

– Если любишь, именно, если любишь.

Навстречу стайкой шли девушки.

– Привет, Фёнка! Что за красавчик? Познакомь. В нашей Вишере такая рыба-кит не водится. – Девушки, хихикая, окружили ребят.

– Шампанского хотите?

– Кто же не хочет, тупизна? И конфет шоколадных?

– И конфет обещаю. А дружка моего Семеном кличут.

Уралец!

– Почти сибиряк? Ну и красавец, а фигура!

– Ладно, мать моя женщина, совсем парня смутили, щебетухи. Пылим в «Бессонницу». Посидим, как «белые» люди.

Две девушки простились с ребятами, но две остались. Вчетвером заняли столик.

– Кушать будете?

– Парфен, ты спятил? Разве ночью кушают?

– Лично я, когда голоден, тогда и ем! Мой товарищ, тоже.

– Ты бы хоть девушек представил, однако, – сказал Семен.

– Наконец, прорезался, елы-палы. Девушки, назовитесь!

Те захихикали:

– Моника! – Рыжеволосая толстушка с ямочками на щеках церемонно протянула белую руку. Семен, иронично поцеловал:

– Сема, джентльмен из глуши.

– Мы знаем уже, – сказала другая, крашенная тонконогая блондиночка, – А ты – Машка, а не Моника. Зря врешь, подружка, Парфен заложит.

– Вот и нет! Я бы промолчал, Лидуся.

– Лида. Хочу, чтобы и мне ручку по-джентльменски поцеловали.

Семен галантно склонился над рукой блондинки.

– Скажите, какой целовальщик, мать твою за ногу, – произнес Парфен, – любой может.

– Кроме Пани, – Лида насмешливо фыркнула. – Хочу кофе с коньяком и мороженое.

– А я – шампанского!

– Мы с Сеней тоже шампанского вдарим. – Девушка, бутылку «Голицына», сто граммов коньяку, четыре по сто

пятьдесят шоколадного мороженого!

Официантка удалилась. Семен огляделся:

– Уютное кафе. А почему на стенах виды Петербурга, отрывки каких-то стихотворений....

– Не каких-то, Пушкина, темнота!

– Здесь Пушкин бывал?

Девушки приснули:

– Скажешь! Знаешь, сколько лет нашему городу? То-то.

В шестидесятых годах девятнадцатого столетия первые улицы появились. Пушкина к тому времени не было в живых. На вашей заимке есть интернет?

– Ну. А что?

Официантка принесла заказ. Парфен объявил тост:

– За моего друга!

– Ур-ра! До дна.

Осушили бокалы.

– Надолго к нам?

– Навсегда! – захохотал Парфен, – право, девчонки, он только приехал, а вы словно гоните обратно. Ядрена корень!

– Дурак ты, Панька, – блондиночка надула губы, – нас волнует время, успеем ли охмурить Соколика.

– У Соколика есть невеста.

– Невеста не жена! – Маша хихикнула. – А ты, Парфен, удержи товарища, работу предложи хорошую. Пусть зарабатывает к свадьбе.

– Не грузи, Манюнька, дай отдохнуть парню. Он же только

приехал, даже не спал еще.

Парфен зевнул, Степан тер глаза.

– Зевота, штука заразная, – Лидия повела плечом, – уж ты, Панька, не наводи тоску. Выпьем! Девушка, принесите мне кофе эспрессо и коньячку соточку! – Она манерно повела плечом.

– Две порции! – Семен поднял вверх палец!

– Три! Нет. Четыре!

– Как зазноба, Панечка? С товарищем познакомил?

– Познакомил, елы-палы.

– Сеня, как тебе марсианка?

– Девушка как девушка.

– Странная она, какая-то.

– Не заметил.

– Одна все, да с теткой Женей. Сверстниц обходит стороной. Неинтересны мы ей.

Парфен замахал рукой:

– Эй, девчонки! Аэлиту не обсуждать! За собой смотрите. А насчет общения, зря. Мне с ней интересно. Мечтательница, это верно. Но, чтобы зазнавалась – ничутьочки!

Официантка принесла кофе и коньяк. Молодежь повеселела. Кафе совсем опустело, официантка грустила за стойкой, подперев щеку рукой, бармен вовсе испарился. Наконец, и Семен с Парфеном рассчитавшись, вышли на улицу. Было совсем светло.

– Елки-палки! Четвертый час, а ночи будто и не было, –

сказал Парфен, – пока, девушки!

– Надо проводить, вдруг хулиган привяжется! Далеко вам?

– Не очень. Сами дойдем.

– Не годится, – Семен решительно подхватил девушек под руки, – ведите, однако.

Парфену ничего не оставалось, как следовать примеру товарища.

Мать Парфена спала, и молодые люди прошли на цыпочках в дом. Постель уральцу приготовили на веранде. Парфен притащил туда же раскладушку для себя. Друзья заснули, едва приклонив головы.

Семену снилась невеста в белом: она убегала с криком:

– Поймай меня!

Он долго бежал за ней и совсем запыхался, когда девушка остановилась и, обернувшись к нему, со смехом подняла фату.

– Аэлита?

Поднялся ураган, Аэлита поднялась ввысь, и с отчаянным криком умчалась в бескрайнее голубое небо, оставив его горестно взывать о пощаде.

Семен проснулся, и долго лежал, мучаясь от совершенно нового, неизвестного чувства.

– Наталка, я скучаю по тебе! – мысленно произнес, и удивился фальши, которую услышал в немой фразе. – Блин! Завтра поеду за билетом домой, завтра поеду за билетом до-

мой, поеду за билетом до..., Аэлита – не заметил, как уснул.

Когда открыл глаза, солнце поднялось высоко. Парфена не было рядом, но слышался голос товарища:

– Мам, елы-палы, опять мои лилии трогаешь? Сказал сам, значит, сам!

– Не обидится твоя зазноба, честное слово!

– Я обещал Аэлите, что лично выращу для нее. Нечестно получится. Все равно, как готовые купить.

– Чудачка, твоя Аэлита!

– А сама дружишь с ней.

– Кто ж будет дружить? Девчонки, ой, завистливые.

– Вообще, со сверстницами помрешь от скуки.

– Странная девушка! Хорошая, добрая, но странная. Тяжело будет парню, что полюбит.

– Я люблю ее, и мне легко. Глупости это!

– Значит не сильно.

– А вот возьму, елки-палки, и женюсь.

– Только не забудь спросить, она пойдет ли.

Парфен засмеялся в ответ.

Семен аккуратно сложил одеяло и постельное белье, собрал раскладушку, и, потягиваясь, вышел во двор.

– Как спалось?

– Тетя Женя, дрых, яко сурок, однако. Смотраться бы за билетом в обратку.

– Домой? Едва приехал, и домой? Рванем в Питер, пошляемся, город посмотрим. А то мамаша спросит, что видел

в северной столице, как отчитываешься?

– И то, сынок, – поддержала Парфена мать, – погости, до-
рогой. Возьмите Аэлисту, до конца недели девка выходная.

– В магазине по недельному графику пашет, – объяс-
нил Парфен, – до воскресенья гуляет. Еще четыре дня, пал-
ки-трепалки.

– Ладно, ребята, умывайтесь, и завтракать! – Тетя Женя
ушла в дом. Молодые люди последовали за ней.

Только уселись за стол, тетя Женя телефон несет:

– Сынок, тебя.

– Елки-моталки, – Парфен вздохнул недовольно, – мам,
ну просил же. Да, слушаю. Василий Михалыч? Что стряс-
лось? Ну, дела-а, копать-перекопать. Ладно, хорошо.

Он положил трубку на стол, отодвинул с отвращением:

– Мать, вот какого дьявола меня позвала? Сама говоришь
Питер, и что?

– Да объясни толком, Фенечка.

– Мои черти напортачили с крышей. Дураки безмозглые!
Глаз да глаз.

– Понял, дружок лепший, – Семен широко улыбнулся, –
где дом то?

– Какой дом?

– Этого, блин, Василия Иваныча.

– Михалыча. Большая Вишера. Помнишь, мимо ехали
вчера, палы-перепалы?

– Не помню. Да и хрен с ним. Очень далеко?

– Да ну. На мотоцикле минут пятнадцать, ети ее. – Парфен окунул блин в яично-масляный соус, и отхватил добрую половину. Семен доедал блин с вареньем:

– Я с тобой. Спасибо, тетка Женя. Вкусно, как дома.

– Не спеши, торопыга, – Парфён потянулся за вторым блином.

Тетя Женя засмеялась:

– Парфенка меньше четырех блинков не ест. Да и ты, уважь, гость дорогой, смотри, какой худой.

– Сенька не худой, а стройный, мать. А у меня через пару лет жирок завяжется от масляных блинков. – Парфен выгнулся, погладил себя по животу, – люблю покушать вволю. Со мной, говоришь? Хорошие мастера в цене, что делать умеешь?

– Лучше спроси, чего не умею. И по хозяйству, и по огороду, со скотиной, ремонты всякие. У нас в деревне мужики мастеровитые. Может, рекомендации нужны? – Семен гоготнул, – во, глянь! – Протянул руки кверху ладонями.

– Ну, ты разошелся, дружище! Я что думаю: мотай с Аэлитой в Питер, а свои дела разгребу сам.

– Молодец, сынок! Сень, правда: Литочка покажет Питер без Парфёнки.

Семен испугался:

– Нет, нет. Или вместе или никто.

– Не дури! – Осадил друга Парфён, – мать дело говорит. Решено, елки-палки. Дай, мама, телефон. Литуня, не раз-

будил? Ага. Питер покажешь уральцу? Ну. Я занят. На какой? Не. Поздно. Что? Да, ладно, Леха намыливался, если не уехал. Жди, перезвоню... Лешка? Собираешься? Прихвати гостя с Литкой до Питера. А? Нет, не ревную! Дурак ты! – Парфён рассмеялся и положил трубку, – Ну и мутила! Уф! Еще звоночек, – Литусик, подходи, на сборы полчаса! Окей-но! Ёлки-палки, а ты что пялишься, собирайся, дурило?! – Ткнул Семена в бок. Тот с нарочито недовольной физиономией поспешил к умывальнику.

– Во-во, рожу поброй, чтобы девчонка со стыда не сгорела, – Парфён хихикнул, завистливо вздохнул, – эх, кабы не дела. Завтра расскажешь, отчитаешься, где был и что видел, понял, герой? Вернусь поздно, да и ты быстро не обернешься.

Экскурсия

Загудела машина и трижды отрывисто посигналила.

– Лимузин подан! А дама задерживается. – Парфён свистнул, выглянув.

– Эй, парни, я уже в машине! – Аэлита открыла окошко позади водителя и помахала рукой.

Семён, в новых джинсах и ярко-голубой рубашке, немного стесняясь, приветствовал Аэлиту с порога.

Краснолицый мужчина выйдя из старенького «Пежо», пожал уральцу руку:

– Лешка!

– Сенья.

– Лады. Едем? Усаживайтесь, баре.

Семен уселся рядом с водителем.

– Эй, Фенол, может подбросить до Большой? А?

– Я на мотоцикле, Грузин.

– Как хочешь, брат.

– Давай, давай, не тяни резину. – Парфён махнул водителю, и тот медленно тронул.

– А почему Парфён грузином кличет?

– Что? Не похож? Папаша азербайджанец, да нашим, дело прошлое, по фиг: грузин и грузин. А кстати брат весь в папашу: чёрный и носатый.

– Подумаешь, носатый! У Парфёнки тоже нос на семерых

рос, – фыркнула Аэлита, – тот ещё шнобель.

– Умная-я, страсть, а, Сень? Слова то, какие знает? Шкнопель, – Лешка заржал.

– Шнобель, а не шкнопель. Ты хоть одну книжку прочитал? Эко серость.

– Читал, читал. В детстве «Буратино». – Лешка снова засмеялся, да так заразительно, что Семен расплылся в улыбке. Хотел бы и он так непринужденно болтать и ухохатываться в обществе странной девушки. Он ждал, засмеется ли Аэлита, и одновременно боялся чувства, которое вызывал смех девушки в душе.

– Почти двести километров до Питера. В принципе ерунда, колеса, не ноги. Мы как-то, дело прошлое, на спор с Вовкой Калашниковым на великах рванули до города. Правда, сдохли у Тосно. Завалились на газон, никакие. Вовка молвит: Может, ну его к чертям собачьим? Пошли за пивом. – Лешка замолчал.

– Ну и?

– Гну. Купили двухлитровый баллон «Охоты», да видно устаток сказался. Глаза открываю – бляха-муха! – а велосипедов нема. Приделали ножки.

Аэлита засмеялась:

– Экие рекордсмены! Правда, без великов на электричке легче.

– Смейся, смейся. Только мне не до смеху было, спорил на свой велосипед, как и Вовка. Пришлось денежками рас-

считываться за глупость.

– А кто проверял исполнение?

– Уговор был в Питере отметиться у Жоркиной мамы. Дело прошлое.

– А сколько до Тосно? – Спросил Семен.

– Около ста тридцати. А до Питера еще шестьдесят. Выехали из Малой чуть свет, к вечеру – Тосно, еще шесть-семь часиков, и Питер, а-а, – Лешка махнул рукой, – ерунда. Думаешь, жалею, дело прошлое?

– Нет?

– Есть, что вспомнить. Дело прошлое, хочу теперь на велосипедах в Москву податься, но товарища нет для такой игры. У вишерских кишка тонка. А ты, уралец, может, подпишешься?

– Ему скоро домой, – Аэлита тронула Семена за плечо, тот обернулся, и глаза их встретились. – Правда?

Семен не слышал, о чем спросила девушка; кровь прилила к груди. Он смотрел на нее и молчал.

– Тебя спрашивают, Орёлик, иль онемел? – голос Алексея вывел из состояния оцепенения.

– Дай сообразить. За две недели, может, и выкрою пару деньков.

– Лешка, не сбивай человека. Ему бы Питер поглядеть, и на Москву денечек-два. А на велосипеде гнаться язык наружу, до красот ли?

– Что ж, дело хозяйское, я не настаиваю. Рыбачишь?

– А как же?

– Слышал, в Сибири омуль водится?

– Это на Байкале. В нашей уральской Вишере больше хариус и таймень. Еще налим, сиг, лещ, щука, бычок-подкаменщик, рипус и прочая мелочь. Конечно, с тайменем ничто не сравнится, да это и не рыбалка, а охота. Стервец, до двадцати пяти кило тянет. Лично сам однажды двадцативосьмикилограммового поймал.

– А как тащил?

– Целая история. Бодался до изнеможения, а вытащил, жалко стало, будто сроднился. Отпустил бедолагу.

– Хоть сфоткался на память?

– Куда там, не на курорте однако. Сколь рыбачил, а таких не видывал боле: так, шелупонь одна, ети ее.

– У нас рыбка попроще. Щука, лещ, сом, жерех, окунь, плотва, дело прошлое. Волхов – рыбная река, еще Ильмень-озеро.

– А Спасское? — неожиданно спросила Аэлита.

– Чудачка. Кто на Спасское ходит рыбачить? Только вездеходом доберешься. Дикое место. Топь непролазная.

– Красота! Сень, уговори Парфенку, пусть организует нам поездочку в Спас-Оскупский погост.

– А в Горнешном, дело прошлое, церкву видела?

– Конечно. Туда и дорога есть. Мы с Парфеном недавно катались. И маловишерский батюшка уже службы проводит. А Спасо-Оскупский погост – старина забытая.

– Любань! – Торжественно объявил Лешка. – Осталось столько и еще полстолько. А погост, кому нужна развалюха? Кондыбаться за ради чего?

С полчаса ехали молча. Семен посмотрел в окно:

– Еще не Питер?

– Это, дело прошлое, город Тосно. Считается пригородом Питера. Через час будем на месте, высажу у метро – гуляйте сами – и по делам.

– У метро? – Семен растерялся, – какого метро?

– Подземного, дело прошлое. – Лешка подмигнул Аэлите.

– Сень, ты в метро не ездил?

– Нет. Но я знаю, что такое метро. – Семен прилип к окошку и замолчал, делая вид, что поглощен созерцанием дороги. Сердце отчаянно колотилось. Дурак, зачем обещал жениться?

(Взойду на камень Писанный и брошусь вниз!)

– Но это глупо!

– Что-что? – Лешка озабоченно покосился на уральца.

– Ничего, корявый блин.

Аэлита на заднем сиденье вздохнула:

– Не бойся, Сеня, я хорошо Питер знаю, не заблудимся.

Промолчал.

(Огребешь сполна в своей Вишере).

– Сегодня, однако, возьму билет домой.

– Колпино! – Объявил неугомонный Алексей, – до «Рыбацкой» рукой подать.

– Станция метро, – пояснила Аэлита, – готовься.

Семен напрягся.

Через пятнадцать минут машина остановилась.

– Прибыли! Давайте, ребята, не задерживайте, дело прошлое.

Аэлита выпорхнула из автомобиля и стояла на тротуаре, глядя на Семена. Алексей рванул с места и исчез в клубах пыли.

– Идем?

Семен пошел рядом с Аэлитой, коря свою робость.

– Шагаем, словно пионеры.

Молодой человек вспыхнул и отставил локоть. Девушка взяла его под руку:

– Не страшно?

Семен усмехнулся:

– Страшно было в Грозном.

Купили жетоны, и дальше Семен повторял действия за Аэлитой.

– Ты как будто всю жизнь в подземках ездил, – похвалила девушка. – Мило!

– Что у нас на повестке?

Она посмотрела на часы:

– До последней электрички восемь часов. Может, в Эрмитаж?

– Однако, как скажешь.

Молодой человек поглядывал искоса на Аэлиту, сидев-

шую рядом, и странные мысли бродили в голове: вот необыкновенное существо, в которое (что толку убеждать себя в обратном?) влюбился по уши. Дома ждет невеста, но она так далека, что даже имя звучит в ушах пустым звуком (имярек, и только).

– Выйдем на площади Восстания, и пешочком по Невскому. Красота!

– Жаль Парфен остался.

– Зимой будет время, а теперь дачники работой заваливают. О, выходим!

Они поспешили из электрички. Семен осматривался, все казалось диковинным и шикарным.

– Нравится? – заметила спутница.

– Дух захватывает, когда понимаешь, что люди строили. Это ж как глубоко надо копать!

Ступили на длинный эскалатор, и Семен едва удержался на ногах.

– Проголодалась?

– Чуток. Возьмем пирожков на вокзале и кока-колы.

– Пирожков?

– Очень вкусные пирожки, люблю слоеные со шпинатом. Шпинат – сила! Американцы обожают.

– Рекламный ход!

– Ишь, ты, какой умный!

Семен смутился. Взяв пирожков, вышли на Невский проспект, и он подставил девушке локоть.

– Здесь всегда много людей?

– Всегда.

Навстречу двигался народ: молодым приходилось лавировать.

– Вот так слалом! – Удивился Семен, – где будем пирожки есть?

– Не подумала. Надо бы присесть.

– В кафе?

– Знаю. Дойдем до Екатерининского сада, а там скамеечки. Погоди, купим в киоске путеводитель по Невскому проспекту.

– Разве ты не очень ориентируешься?

– Каждый дом – архитектурный памятник, а я мало, что могу рассказать.

– Понимаю. Не больно наездишься, билеты дорогие.

– И дома дел хватает.

Купили путеводитель. Лита развернула на ходу:

– Стой!

– Может, не будем все подряд смотреть, только основное, что больше понравится. Иначе не дойдем до Эрмитажа.

– Ладно, тогда сам, – девушка протянула брошюру. Семен сунул ее в карман, свернув трубочкой.

– Там дворец Белосельских-Белозерских, – он махнул рукой на темно-красное здание, – за ним Аничков мост. Даже я знаю.

– Удивил. Кто ж не знает? Верно, готовился к поездке?

– Ну. – Семен засмеялся, – весь интернет облазил.

– На заимке интернет есть?

– А то, как же? Поинтересуйся на досуге: рыбаки, и те свой сайт организовали. Туристы потихоньку начали бомбить наши места: по Вишере сплавляются. Хм! Однако, жизнь сильно облегчила техника. К примеру, беда с автобусами. Договариваемся через форум с водителями, что мимо по тракту едут, и в назначенный час, подкинут хоть в Красновишерск, хоть в Соликамск. Правда, компьютера у меня нет. У приятеля одалживаю – один на заимку, медляк, едва ползает от фитюльки. Постоим на мосту? Вот они, лошадки!

Семен запрокинул голову, восхищенно разглядывая одного из коней Клодта.

– У вас в хозяйстве есть лошадь? – Спросила Аэлита.

– Есть коняшка, есть.

– Как зовут?

– Коняшку? Орликом кличут. Рябенький такой мастью. Подожди, сфоткаю.

– Давно не видела таких фотоаппаратов. Думала, и пленку не выпускают.

– А у нас продается. «Зенит» – отец покупал еще в восьмидесятые. Спецтехника. Портреты – закачаешься! Знаешь, встань здесь, сниму на память.

Аэлита, улыбаясь, откинула голову. Так и запечатлел девушку Семен.

– Идея! – Аэлита подошла к молодым людям. – Извините,

не снимете нас?

– Конечно, – откликнулся парень.

Семен протянул свой фотоаппарат.

– Ну и машина! Раритет!

Семен широко улыбнулся, довольный:

– Нажимать здесь.

– Знаю. У самого такой дома валяется, от папаши достался. Тот нынче «Кодаком» снимает, дескать, пленку не достать.

– А у них на Урале продается.

– Девушку обними за талию. Минутку. Снимаю. И еще контрольный. Держи.

– Спасибо.

– Сень, постоим на мосту? Люблю смотреть на Фонтанку с Аничкова.

– А давай на речном трамвайчике прокатимся! А?

– Дорого.

– Ничего, на то и деньги. Парфен звал на халтуру, отобью, я мужик, а не тряпка сопливая. Только коней хочу всех рассмотреть и сфоткать. Чудно!

– Что?

– Кони сделаны классно! Живые. Даже не представлял, что так возможно.

– За Орликом отец ходит?

– Батяка в прошлом году по весне в прорубь ахнул, и поминай, как звали. Течение под лед утянуло. Тело в мае на-

шли, к берегу прибило на сто километров ниже. Там вода ленивая. Орлик мне отошел. Да, однако, не волнуйся, мамка не хуже справится. Уф, жарко! Хочешь кока-колы?

Девушка кивнула, и он достал из наплечной сумки бутылку, отвинтил крышку:

– Пей!

Сделав несколько мелких глотков, Аэлита передала бутылку парню. Смутившись, тот посмотрел на горлышко.

– Давай, оботру, – заметила девушка.

– Нет. Думала, брезгую? – Семен торопливо начал пить, мысленно ругая свою неосмотрительность. Мысль о том, что губами коснется горлышка после рта девушки, привела в трепет, а она подумала... милая. И вовсе не странная. – Прокатимся?

– Только после перекуса. – Аэлита приложила руку к животу.

– Урчит?

– Режет. Но я привыкла.

– Покажись доктору.

– Ерунда. А ты Екатерининский садик тоже знаешь?

– Ну. Где-то за мостом.

– Здорово! Совсем рядом. Идем скорее.

Они поспешили. Скамеечка нашлась быстро, и молодые люди с задором принялись уплетать пирожки.

– Правда, вкусно!

– Врать не стану. Дай попить.

Семен был счастлив. Угрызения совести отпустили. Глаза Аэлиты блестели, из чего сделал вывод, что девушке приятно с ним проводить время. В данный момент он не вспоминал о решении купить билет домой.

– У вас с Парфеном любовь?

– У нас с Парфеном дружба, – Аэлита внимательно посмотрела на Семена, – а...?

Семен дрогнул, ожидая встречного вопроса, но его не последовало:

– Хочешь, поведаю о памятнике императрице? В одна тысяча восемьсот семьдесят третьем году был торжественно открыт. Проект разработал автор композиции «Тысячелетие России», э-э... забыл фамилию, в Великом Новгороде. Скульптор Чижов – автор статуи императрицы. Подойдем ближе?

Аэлита выбросила пустую бутылку и пакет в урну, и они приблизились к памятнику.

– Однако, знаешь, кто в ногах императрицы?

– Знаю. Айда кататься! – Аэлита взяла Семена за руку, вернее, доверчиво, как ребенок, вложила маленькую ручку в ладонь мужчины, защитника. Движение показалось таким трогательным, что нежно пожал.

– Конечно.

Несмотря на жаркую погоду, Семен взял предложенный плед и заботливо набросил на плечи девушки:

– Увидишь, на катере будет прохладно: ветер, заболеешь,

не оглянешься.

Заняли места на скамье рядышком. Семен чувствовал тепло Аэлиты: голова кругом. Наконец, открытое всем ветрам суденышко отчалило и развернувшись, помчалось по Фонтанке. Водяная пыль ударила в лицо. Девушка крепко прижалась к Семену:

– Здорово! Дух замирает!

Тот обнял за плечи:

– Милая! Зоренька!

Экскурсовод приветствовал людей, собравшихся на борту, как он иронично выразился «небольшого теплохода», и без особых предисловий начал обзорную экскурсию. Молодые люди с удовольствием окунулись в историю города. Казалось, Семен давно знает девушку, так ему легко и покойно.

– Озябла?

В ответ она накинула край покрывала ему на грудь. Молодой мужчина благодарно кивнул:

– Спасибо, Лита.

– Сегодня плакал Эрмитаж. Жалеешь?

– Что ты? Прекрасная экскурсия, как можно? А ты?

Она мотнула головой и засмеялась:

– Нисколечко!

– Жаль, Парфен не смог составить компанию. Правда? – Сеня испытующе кинул мгновенный взгляд на Литу.

– Пусть работает. Зимой будет туго. Одна мелочевка: дров

привезти, ремонт мелкий. А вообще, Парфен думает на зиму в охрану устроиться: график подходящий, и всё денежка. Слышала, может и тебе халтурку подкинуть. А что? К свадьбе тыщ сорок надо, а то больше. Подарок невесте, и вообще, с голым задом не женятся.

– У нас на Урале единицы живут богато, – Семен смутился от слов Аэлиты о невесте: сегодня ни разу не вспомнил о данном Наталке слове. – Знаешь, думаю, ты права. Я же вернусь. Заработаю и вернусь! – Гордо расправил плечи, – хотел бы я показать тебе Урал.

– Ах! В мечтах, бываю в разных странах, и даже в космосе. Читаю книжку, а передо мной мир открывает объятья. Но я нигде не была, только в Питере и Новгороде. На зарплату продавца сельского магазина не разгуляешься. Малая Вишера, не Питер. Это в мегаполисе, говорят, народ богатый. Оставайся! – Заглянула в его глаза, словно на минуту впустила в свой космос.

– Аэлита! – Шепнул горячо, – со мной в поезде ехал человек, который сказал, что огребу в Малой Вишере, но я не поверил. Не хочу возвращаться, не хочу думать, что больше не увижу тебя.

Девушка промолчала, только посмотрела на него пристально бездонными глазищами, и тихо вздохнула.

– Думаешь, совсем не знаем друг друга, приехал с Урала, за пару дней невесту забыл, так? А что скажешь о любви с первого взгляда?

– Она существует, – прошептала Аэлита, опустив глаза.

В груди Семена екнуло, проснулось сердце, забилося, застучало так, что, казалось, пассажиры уже не слышат голоса экскурсовода. К глазам подкатили слезы. Он сильно и нежно пожал руку девушки:

– Милая! Не думай о будущем, забудь прошлое, потому, что есть только мы и сейчас, сегодня. Я люблю тебя и мне абсолютно плевать, что будет завтра. Но, если хочешь, чтобы я уехал, уеду и женюсь на той, которой дал слово.

– Останься! – Она помолчала. Потом вдруг встревожено спросила, – говорят, счастье не построить на несчастье другого?

– Я тоже думаю об этом. И знаешь, что?

Она вскинула на него беспокойные глаза:

– Что? – не спросила, а выдохнула.

– Если уеду, двое станут несчастными. Ты ведь не давала слово Парфену?

– Нет, но он был моим парнем. То есть..., – Аэлита покраснела и опустила голову.

Семен растерялся: то ли о чем подумал?

– То есть?

Девушка пожала плечами.

– Я не вправе пытаться. Сам хотел склонить Наталку, да мать ее помешала: спортишь, говорит, девку.

– У меня матери нет. Думала, любовь у нас, пока тебя не увидела.

– И я.

Речной трамвайчик подходил к причалу, и пассажиры начали суетиться. Встал с места и Семен.

– Сеня, успеем.

Он нерешительно потоптался и опустился рядом с Аэлитой:

– Милая, моя, бедная. Эх, не было меня рядом: обломался бы соблазнитель.

– Что ты, что ты? Парфен хороший, он замуж зовет по-честному. Любит.

– Ходит, посмеивается, гад, думает, завладел девкой. Рога обломать бы ухажеру.

– Я думала, и ты хороший! – Аэлита вскочила с места и почти бегом направилась к сходням.

Семен бросился вдогонку, нагнал уже на набережной, поймал за руку:

– Дожидай! Ах, дурак я! Ну, прости, деревенщину неотесанную. Сам же говорил, забудь прошлое. Ну, хочешь, в речку сигану?

Аэлита остановилась и с любопытством посмотрела на парня:

– Сиганешь?

– Ей Богу!

– А милиция? Я ведь сделаю вид, что вижу тебя в первый раз. Тебя в милицию, а, что, если я без тебя в деревню вернусь?

– Конечно, бляха-муха, зачем тебе впутываться?

– А в деревне Парфенка, что скажешь? – Девушка явно подсмеивалась.

Кровь прилила к лицу парня, он крепко сжал кулаки.

– Ну, передумал сигать?

– Н-не знаю.

– Болтать, все горазды, – Аэлита презрительно (так показалось Семену) усмехнулась.

Он круто развернулся, и не успела девушка даже ахнуть, очутился в черной воде Фонтанки.

Быстрыми саженками Семен подплыл к гранитным ступеням и в мгновение выбрался на сушу, где его поджидала испуганная Аэлита:

– Тикаем!

Они припустили по набережной прочь от многолюдного Невского, свернули в маленький проулок и очутились в уютном сквере, где отдыхали молодые люди, мамы с детишками, старики. Здесь на них не обращали внимания. Переведя дух, Аэлита посмотрела на спутника и расхохоталась. Тот хотел сделать вид, что сердится, но не выдержал и тоже залился смехом:

– Ну и кавалер! Мокрая курица! – Схватил Аэлиту, крепко прижал к мокрой рубашке и поцеловал в губы.

– Сеня...

– Никому не отдам! Нынче матери позвоню, что свадьба отменяется. Простит, однако.

Он показал на свободную скамеечку, и они присели.

– Мать простит. А кто девушке доложит?

– Ай, думаешь, легко Наталье меня выслушать? Скажу, не успел из дому намылиться, другую встретил? И кто я после? Здесь надо осторожно: не ровен час взаправду бросится с Писаного камня в быстрину.

– Что за фантазии? Хотя... Скажи, она говорила об этом?

– Да. Забудешь, так и знай, взберусь на камень Писанный и поминай, как звали.

Аэлита задумчиво покачала ногой:

– Не знаю, правда ли, но, в умных книжках пишут, если человек грозит самоубийством, он не покончит с собой.

– Об этом можно говорить сколь угодно пока самого не коснется. Пудовая задача. Но я не собираюсь взваливать груз на плечи матери. Ей там жить, ей смотреть в глаза Наталье и сватье. Придется поехать и честно объясниться, – тяжело вздохнул, – веришь, нету сил оторваться, звездочка моя.

Взял ее руку, поднес к щеке, потерся, как котенок, расправил ладошку и поцеловал в самую серединку:

– Мягонькая лапка! А как Парфену скажем?

– Я могу, – Девушка положила голову на плечо Семена: рубашка высохла. – Мне он ничего не посмеет.

– Подумаешь, ну подеремся. Объясню, что насильно мил не будешь. Мужик перетерпит. Разберусь по-свойски. Моей маме ты понравилась.

– Думаешь? А вдруг знать не захочет?

– Ну, что ты!

– Ты один ребенок в семье?

– Еще сестра, но она с мужем переселилась в Бодайбо.

Знаешь, в Сибири? Золотые прииски, может, слышала?

– Золото? Как романтично! Я бы тоже уехала с тобой на край света! Расскажи об Урале! О твоей заимке, о людях.

– Моя заимка на берегу реки Вишеры, огромной, мощной реки, быстрой в верховьях, медленной ниже Красноуральска. Вверху, в горах, местность почти пустынна. Алмазная Вишера. Слышала о месторождениях алмазов?

– Только о якутских.

– Сказочная красота! По берегам – скалы, в них пещеры. Поселений мало. Камень Писаный – отвесная восьмидесятиметровая скала обрывается прямо в воду, а под камнем омут: закружит и утянет в подводное царство. В камне том глубокие пещеры, загадочные, древние.

– Почему его называли Писаным?

– Из-за рисунков древних людей. Охрой, будто кровью, нанесены изображения медведя, человека, геометрические фигуры. Бронзовый век. К писанице только с воды подойдешь. У подножья был когда-то жертвенник.

– И с такого камня хотела броситься твоя невеста?

– Ну, хотела-не-хотела, а грозилась. Поговорим об этом или дальше рассказывать?

– Дальше....

– Камень Притон напротив бывшей деревушки Велгур.

Там потопили белогвардейцев, натянув веревку через реку.

– Что-то далековато забрели белые.

– Не зубоскаль! Еще ниже – Говорливый. Звонкое эхо передразнивает рыбаков: крикнешь – Ау-у, в ответ грозное – у-у! Говорят, косматый лесовик пугает любопытных. Рядом с камнем – пещера с ледником. Когда-то возле была деревня Говорливое, ныне толь старинная каменная церковь рушится. Эх! Никому и дела нет. Ее с реки видно.

– Жаль! Спасо-Оскуйская церквушка тоже разрушается. Но до нее очень трудно добираться. Болотина на многие мили.

– Дале огромный камень Ветлан. А по Вишере искусственные островки; ими пользовались заключенные ГУЛага для сплава леса. Интересно тебе?

– Очень!

– Когда-нибудь сама увидишь! Влюбишься!

– Уже влюбилась.

– Поедешь со мной?

– Да.

– Уговор. Вначале один: не к чему тебе выслушивать в мой адрес. Объяснюсь, поставлю перед фактом.

– Пойдем бродить?

– Может, в кино? Смотри, «Дом кино», а? Не голодна?

– Хочу мороженого!

– Какое любишь?

– Сахарную трубочку. А ты?

– Вафельный стаканчик. Крем-брюле или черная смородина.

– На заимку и мороженое привозят?

– У нас магазина нет, в соседнюю деревню на мотоцикле сам езжу или мамка. Коляску затарю, на неделю продуктов: сахар, мука, крупы, чай, иногда колбаска. Тебе в диковину, а хлеб дома печем. В русской печке. Киселя захочется, картофеля потрешь на терочке, водички на месиво, смоешь грязь, а на дне тарелки – чистый крахмал!

– Сваришь киселя самопального с теплым хлебцем, и ну, пультом щелкать по спутниковым каналам. А то в интернете шариться по неприличностям! А?

– Смейся, смейся, насмешница моя!

– А что, не глядишь на голых баб?

Семен покраснел:

– Ну, бывает... с приятелем балуемся. Не мой же комп.

– Смотри, я ревнивая!

– Бывало раньше! И совсем не интересно....

– То-то. Куда?

– За мороженым.

– Идем вместе, знаешь? К Дворцовой площади.

Вышли на Невский проспект, мороженого взяли.

Запиликал телефон:

– Парфенка, легок на помине! – Да, слушаю! По Невскому гуляем, а ты? Да, на последней. Нет, не приходи! Потому! Все!

Аэлита нажала кнопку и сунула телефон в сумку.

– К тебе рвется? – спросил Семен, нарочито спокойно, – Не пущу! Хочешь, лягу спать у твоего порога?

– Да-а? – Аэлита усмехнулась, – Разве я не говорила, что сама справлюсь? Хочешь подраться? А Парфен говорил, жизнь тебе спас. Не отличаешься благодарностью.

– И впрямь странная, а я не верил! Не пойму: шутишь или издеваешься.

– Кто сказал, что будет легко?

– С другом сам поговорю!

– Не доверяешь?

– Все! Вопрос закрыт! Пустишь к себе?

– А насчет коней на переправе?

– Что-что?

– Интуиция подсказывает, что ты близок к полному отказу с моей стороны. Езжай-ка лучше к невесте! – Аэлита развернулась, и пошла в обратную сторону.

– погоди! Замысловато для простого парня. – Семен задержал руку девушки, – Объясни, в чем дело?

– Думала, наконец, особенный парень! Получилось, как всегда. Приоткрыла сердце, а в постель не звала!

– Извини. Значит, не доверяешь. Ладно. Знаешь, что это? – Кивнул на Казанский собор. – Посидим у фонтана?

– Похоже, церковь. Подойдем ближе? Точно, собор!

– Точно! Казанский собор. Вот где пасхальную службу проводят. По телеку смотрел.

Присели на скамеечку.

– У тебя есть мобильник?

– Нет. К чему дорогая игрушка в моей глуши? Дома и телефона нет.

– А интернет?

– Беспроводной и то не мой: от ма-а-ленькой фитюльки пашет, говорил. А компьютером разживусь, окошко в мир. – Помолчал, – ты неправильно поняла: слышать дыхание, чувствовать тепло. Будешь спать, а я сяду рядом, стану глядеть на спящую.

Аэлита усмехнулась:

– У меня мало опыта, но из книжек знаю, что нельзя полностью доверяться мужчинам. Время покажет: либо сотрет быстрое чувство, либо умножит.

Семен обнял девушку за плечи. Аэлита доверчиво прижалась к нему.

– Малая Вишера – большой город. Здесь есть все: школы, ясли, детские сады, видел даже банк, а про магазины и говорить нечего.

– Краеведческий музей, больница, своя радиостанция: МВ Диапазон, кинотеатр, – продолжила Аэлита, – в самом деле, не густо. Пара-тройка кафешек, ни настоящих музеев, ни театров. Убогий городишко, не то, что Питер, но я его люблю. Хочешь, завтра в краеведческий музей пойдем?

– С тобой, куда угодно! Птичка моя!

Аэлита зажмурилась:

– Ты ласковый? Будто кошка таю от нежных слов.

– Со мной ты будешь всегда таять! Заюшка моя, зоренька ясная.

– Зоренька мне нравится, а вот заюшка избито.

Семен крепче прижал к себе любимую:

– Не отдам никому!

– А кто просит? На поселке парни чураются меня, а по секрету, не любят насмешек. Вот и пустили молву, дескать, странная. Даже ты упрекаешь в издевках.

– Непривычно, но мне нравится!

– Вот как? – Аэлита, отстранившись, глянула в глаза молодого человека, усмехнулась, положила голову на плечо Семена, – Расскажи о невесте.

– А что рассказывать? Дело обыкновенное: гулял с девчонкой год, на второй – заимка в женихи записала. Мать ноет: внуков хочет. Я думал, думал – а! женюсь, матери подмога, да на старости – утеха мальцов нянчить. Наташка, девка видная, скромностью не обиженная.

– И за год ни-ни?

– Тискались, и только. На заимке не скроешься, быстро ярлык повесят.

– Любил?

– Привык дуже. Казалось, люблю. Уехал, из сердца вон! Заставлял себя, ругал ветреником, имя произносил вслух, а на душе ничего. Как жениться? Разве это не обман, не измена? Что думаешь?

– Я бы не хотела, чтобы парень женился лишь по долгу. Мне любовь давай настоящую! Но кому-то все равно, главное замуж. Если твоя невеста из таких, недолго будет переживать, найдет замену, конечно, если ты не единственный жених на заимке. Если же любит, отпустит, но горько будет ей, больно. Не скоро затянется рана.

– А как знать?

– Того не ведаю, но думаю, поймешь. Решил все-таки ехать? Может, лучше матери отпишешь?

– Боишься, как Наталка?

– Дурачок! Любишь – примчишься, недели не пройдет. Скучать буду, в окошко смотреть.

– Парфен развеселит. Не в том смысле, конечно.

– Он целыми днями вкалывает. Заказов море, но и конкуренция – не дай боже.

– Зачем ему деньги?

Она засмеялась:

– Ну, ты даешь! Парфен скачет на одной ножке: в кафешку, на танцы в Большую, теперь на машину копит.

– Верно, для тебя старается.

– Автомобиль – удовольствие для мужчины! Девчата иначе глядят на парня с тачкой. Особенно, если еще иномарка. Парфен – завидный кавалер: щедрый и простой. Обожает быть в центре внимания.

– Завидный? И что нашла во мне? На Урал точно поедешь?

– Хоть на край света! Люди везде живут!
– Думаешь, Парфен возьмет в свою артель?
– Так звал?
– Звал. Когда не знал, что соперничать стану.
– Глупости! Могла полюбить кого угодно, но случилось так. Подуется немного и все. Не надо винить себя во всех грехах. Бери пример с меня. Я не стану прятаться и бояться: будет так, как должно.

Семен тяжело вздохнул: девчонкам легче. Они запросто говорят парню «отвали, достал» и прочие вещи. Даже могут послать далеко и надолго. Нет, мужчинам, как ни крути, трудно в этом плане.

– Бляха-муха...

– Что еще надумал? Брось! Отпиши матери, не мучайся, рассосется. Мы развлекаться в Питер приехали, а не угрызениями совести заниматься.

– Ты права. Что я настроение порчу? Любовь – прекрасное чувство. Может, посидим в кафе? Я, вроде, проголодался, – взглянув на часы, свистнул, – ого, почти шесть!

– У меня под ложечкой сосет, а я недоумеваю, кажется, недавно пирожками обедали.

– Пирожки, не еда, легкий перекус. Идем? – Семен встал и протянул девушке руку, – вставай, золотце!

– Смотри, китайский ресторан! Мы с Парфеном как-то были в китайском, недорого и сытно. Возьмем утку по-пекински или курицу.

– Супчику тебе надо, ишь, бледненькая. Опять живот? Сухомятка дело недоброе. Враз печень испортишь, так мама говорит. Я хочу здоровую жену!

– Эх, хватил! Жену!

– На меньшее – не соглашусь! Если собираешься поматросить и бросить – иди мимо!

– Так девчонки говорят, – Аэлита рассмеялась. – Как хорошо мне с тобой! Последний раз так хорошо было с мамой.

– Договорились, буду верным мужем, мамой и лучшей подругой. Согласна?

– Так бывает?

– Только у нас, больше ни у кого.

Аэлита взяла его руку и поцеловала, вогнав Семена в краску:

– Ну вот, – смог выговорить молодой человек, – больше так не делай.

– Почему?

– Стыдно как то...

– В том, что между влюбленными, не бывает стыдного. Привыкай, любимый! Что, идем?

Вошли в китайский ресторан. Народу было немного: заняли уютный столик в глубине зала.

– Вот мисо-суп. Пробовала?

– Нет. – Аэлита засмеялась.

– А что смеешься?

– Счастлива. Хорошо, давай мисо и по китайской курице.

И как раз на последнюю электричку.

Семен вздохнул: как объяснить товарищу? С одной стороны – совестно, вроде предал, а с другой – девушка имеет право выбрать. Случись с самим такое, дал бы в морду! А дальше что? Девчонке сказал бы насчет легкомысленного поведения. «Не меняй коня на переправе, не меняй» – где он слышал эту фразу?

– Что ты шепчешь?

– Ничего, милая, стишки читаю. «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом, что ищет он в стране далекой, что кинул он в краю родном...»

– По дому соскучился? Бывает. А вот и ужин! М-м, вкусно.

Долго стояли, обнявшись возле калитки. Наконец, Аэлита сказала:

– Светает.

– Иди спать, милая, иди, глазки совсем усталые.

– А ты?

– Я посижу на лавочке, курну. Помечтаю, как любимая засыпает с думами обо мне.

– Правда?

– Правда.

– Не уйдешь до утра?

– Не уйду.

– Хорошо. Смотри, если уйдешь, проснусь и вообще ни-

когда спать не буду.

– Обещаю.

– Вот и ладно. – Аэлита потянулась, – покойной ночи, родной.

Ушла. Вскоре свет в окне погас.

Семен долго сидел на скамейке, думая о случившемся, о любви так внезапно пришедшей к нему. Еще о том, что мог остаться дома, жениться на Наталке, детей нарожать. Аэлита вышла бы замуж за товарища. Нет, Аэлита не выйдет за Парфена, не та девушка. Ждала бы Семена всю жизнь.

Гавкнул Молчун. Семен тихонько свистнул и шепотом позвал:

– Молчун, Молчун, свои!

Пес заскулил и удалился в будку, где повозился и вскоре улегся спать. Дураки, дрыхнут, а ему нисколько не охота. Он зажмурился, представив, как Аэлита спит, кулачок под щечку, и видит во сне его, Сеню.

– Милая, родная. «Любимого к сердцу прижму и не отдам никому!» Это про него, не отдам никому. Единственная, необыкновенная! На целом свете!

Занимался рассвет: из серо-белых плотных туч пробивались низкие лучи. Поежился: зябко и хорошо! Холод вообще здорово! На морозе дрова рубить в одной рубахе. Мамка выскочит в пуховом платке на плечах, ватничек под мышкой:

– Сынок, возьми, простынешь, однако.

– Брось, мам, на дрова, – а сам колуном тюкает, пар от спи-

ны. Опосля в просторные сени и ну из алюминиевого ковша морозного квасу сёрбовать. Зубы стынут. Красота!

А маманя причитает:

– Вот-вот, употевши, ледяного пойла, прямая дорога в больницу.

А он маму крепко обнимет, целует в серебряный висок:

– Старушка моя дорогая! Здоровья моего на семерых, – и подхватит, закружит на вытянутых руках, а мамка смеется, заливается:

– Какая ж я старушка, еще и пятидесяти нет, возьму, вот, и замуж выскочу. Только младшенького пристрою в хорошие руки.

– Эт кутят в хорошие руки отдают, а я сам с усам.

– Эх, внуков бы понянчить. Дети кто куда – одна останусь. Вылетишь из родного гнезда, – и замолчит.

Поставит мать на ноги, хмуро скажет:

– Я отсюда никуда. Жинку в заимке возьму, тебе помощница будет.

Семен вздрогнул: никак задремал? Матушка привиделась, а ведь правду сказала, не будет у него жены в заимке. Хотя почему? Аэлита ясно выразилась, поедет за ним куда угодно. Радость охватила его, расправила грудь, плечи. Солнышко поднималось, тепло разлилось по Вишере. Молодой человек встал, потянулся и тихо пошел в сторону дома. Верно, Парфенка уже проснулся и на халтуру собирается. Надо

поговорить с дружкой верным.

Объяснение с Парфёном

Парфен завтракал. Сеня поздоровался с товарищем и сел напротив:

– Ешь, гулена, – друг кивнул на стопку блинов, – или кормлен?

Семен покрутил головой:

– Разговор имеется. Серьезный.

– Ну.

– В общем, мы с Литой любим друг дружку.

– Нет.

– Любим.

– Та-ак.

– Ну, хочешь, подеремся?

– Та-ак. Сеня, берешь билет и дуешь невесте.

– Я не уеду!

– Понял? Дуй к невесте! – Парфен встал из-за стола и пошел на Семена, сжимая кулаки.

Сеня не двинулся с места:

– Ударь, если легче станет!

Парфен ударил: из носа товарища тонкой струйкой поползла кровь:

– Еще?

– Бей!!!

Он снова ударил, на этот раз в челюсть.

– Мало?

– Бей!!!

– Для ровного счета!!! – Три.

Из рассеченной брови кровь залила глаз. Семен чертыхнулся:

– Портрет испортил!

– До свадьбы заживет. Как же это?

– Не знаю. Имя невесты обернулось пустым звуком. Думаешь, не понимаю, что Лита твоя девушка?

– Не сказал бы. Но я не против.

– Ты любишь ее?

– Зачем тебе? Хочешь совесть облегчить? Я не люблю ее.

Доволен? Вымой харю, «Казанова»!

Семен умылся, затем намочил платок, приложил к глазу.

– Что сказала Аэлита?

– Любит и поедет на край света за мной.

Парфен пожевал губами, раздумывая:

– Такая девушка. Дурак!

– Я?

– Я! Дурак! Чудная девушка. Упустил. Ладно, будь счастливым! Заработать хочешь?

– Парфен!

– Что Парфен? Бабки не нужны?

– Нужны.

– А нужны, давай работай. На соседней улице колодец надо делать. Дам двух парней. Справишься? По десятке на бра-

та, самое малое, не ахти, но все же.

– Спасибо. Заработаю, поеду к себе, мамке покаюсь, Наталке.

– Покаешься? В чем, дурило? Эка невидаль, влюбился мужик.

– Ей перед соседями краснеть, перед Наталкиной матерью.

– Переживут, если взаправду это по-серьезному, а то ведь с глаз долой, ети ее в костыль. Приедешь и обратно Наталку захочешь.

– Понимаю, выгляжу ветреником.

– И увидим, каков ты. Мне-то лучше, чтобы ты оставил Литуху... Может, я женился бы: все-таки мамаша обожает ее.

Семен вскинул глаза на товарища: шутит? Но лицо друга было непроницаемо, и смотрел он в сторону:

– Ладно, все, ушел. Бригада ждет. А насчет колодца, парням скажу, чтобы позвали тебя.

Вышел, хлопнув дверью. Затрещал мотоцикл во дворе. Семен лег на раскладушку, закинув руки за голову. Есть не хотелось. Он думал о том, как всего несколько дней могут изменить судьбу человека. Несколько дней назад слезы глотал, расставаясь с девушкой, а сейчас лица не помнит. А вдруг и правда он легкомысленный, вдруг уедет и опять с Наталкой закрутит роман? Как тогда? Вот и проверим. Семен тяжело вздохнул: не может быть!

В окно постучали: выглянул.

– Ты Сеня? – лохматый парень цыганистого типа.

– Ну.

– Парфен велел звать на халтуру.

– Я мигом! – Вскочил, как ошпаренный, опрометью на улицу.

– Ленька, – молодой человек протянул руку, которую Семен радостно потряс, – Ихтиандр уже на месте.

– Ихтиандр? Серьезно? Или кликуха?

– Имя. Дед колодцы рыл, отец колодцы рыл и он тоже колодцы роет.

– Понятно. Далеко?

– Здесь. Близко. Сам откуда?

– Уралец.

– Значит могёшь.

Земля маловишерская тяжелая, глинистая, но Семену ни-почем, о Лите думает, скучает.

Время обедать настало, работники за стол уселись, он же к зазнобе помчался. Прибежал и обнял с порога:

– Соскучился, ужас! А вот как уеду, совсем помру с тоски!

– Быстрее вернешься, если жить захочешь, – засмеялась, как ручей по камешкам, у Сени сладкая дрожь по жилам.

– С Парфеном объяснился.

– Я и вижу, нос распух, глаз не видать. Дай, лед приложу.

– А, не надо! Совсем не больно. Ерунда. Мне халтуру друг подкинул, неподалеку колодец роет. Прибежал на обед,

но пора идти, негоже отлынивать.

– Ой, погоди, бутерброд вынесу.

Семен кивнул. Аэлита вернулась со свертком и бутылкой молока:

– Вот, ешь на здоровье.

– По дороге стрескаю.

– Тогда дожидайся, пакет вынесу, все приличнее.

Взял пакет в руку, а от него тепло девичье к сердцу подкапало. Не удержался, обнял крепко, только ойкнула любимая, и прильнул губами к милому лицу.

– Иди.

Едва оторвался, побежал. Мужики начали работать. Семен, с набитым ртом промычал:

– Я могу внизу, в колодце, не впервой.

– Прожуй и лезь.

Все глубже Семен под землю опускается, а воды нет, небо все меньше, солнце совсем не проникает, но не сдается. Кинул Ленка веревку:

– Хва на сегодня! Шабаш! Вылазь, сибиряк. Четыре кольца утопили, здесь далёко вода, на десять-двенадцать колец обычное дело. Маракуешь? Выдюжишь двенадцать? Небо с овчинку! А?

– Выдюжу! Сколько стоит двенадцать?

– По двадцатке не меньше срубим.

– Хорошо.

– Хорошо-то хорошо. Только достань ее: тяжелая водич-

ка, потом умытая.

– Ладно, кто сказал, что уралец боится работы?

– До завтра, брат. К девяти подгребай, не ошибешься.

Аэлита сидела у окошка, подперев щеку рукой. Увидев Семена опрометью выскочила, повисла на шее:

– Уработался?

– Ничего. Водицей умылся – заново родился. Куда пойдем?

– Ходить здесь особо некуда. Хочешь искупаться?

– Ты говорила о Спасском озере, поедем?

– Тю-ю. Эк, загнул. Двадцать километров по болотам и бездорожью. Хотя, лето сухое, пожалуй можно обойтись без вездехода. Спроси у Парфенки, пусть подбросит на мотоцикле, а то одолжит, если ты умеешь с мототехникой.

– Договорились, только работу закончу, увезу на твое любимое озеро. Не боишься ночевать у погоста?

Аэлита усмехнулась и покачала головой.

– Помнится, в краеведческий музей собирались, а Лит?

– Музей до восьми.

– А сейчас?

– Половина. Сень, я никуда не хочу. Только видеть тебя.

– Милая. Погуляем?

– Конечно. Обними меня.

Колодец отнял неделю. Наконец, Сеня получил деньги

и пригласил Аэлиту в Питер. Девушка, к его удивлению отказалась, и напомнила о Спасском озере, причем предложила и Парфена взять с собой.

Накануне предполагаемой поездки друг сказал:

– Литка звала меня с вами, но я думаю, третий лишний, не обидишься?

– Конечно, нет. Хотя, верный товарищ не может быть лишним, – ответил Сеня, и покраснел, так фальшиво звучали его слова. Парфен усмехнулся и похлопал товарища по плечу, мол, все понимаю и не держу зла.

– Вот и хорошо. Отдохнешь, и поможешь крышу крыть в Большой Вишере. Вдвоём управимся, срубим по шестьдесят.

– Спасибо, но я домой собираюсь, надо расставить точки. Вот приеду.

– Тоже верно. По-мужски. А то присоединяйся: крыша – не колодец, втроем по полташке отломим, вчетвером по сорок, зато сделаем за три дня, а напряжемся так и за два. Думай, голова.

– Ладно, уговорил. Заманчиво за пару дней кучу денег отхватить. Пара дней, верно, роли не сыграет.

На озере

Накануне по совету Парфена разработали план поездки: туда через Пустую Вишерку и дальше по лесовозной разбитой дороге, обратно – красивым, но и более тяжелым лесным путем.

Выехали ранним утром. Солнце едва поднялось, и легкая прохлада бодрила молодых людей. Парфен посоветовал взять коляску, в которую была сложена нехитрая походная снедь, котелок, закопченный чайник, кружки, пара тарелок, удочки, резиновые сапоги, палатка. Аэлита уселась позади Семена, обняв молодого человека за талию, и он ощутил впервые в жизни ответственность за хрупкое существо, прижавшееся щекой к его спине. Нежность захватила, рассердился на себя, нахмурился и резко крутанул ногой педаль акселератора. Старенький мотоцикл затарахтел, выпустив сизый дым:

– Поехали! – Радостно воскликнула девушка.

– Поехали, – рассмеялся Семен.

Домчались к Верхнему разливу, туда, где Сеня впервые увидел девушку с необычным именем.

– Вдоль берега идет Пустая Вишерка, дальше будет поворот направо, потом налево, я покажу. Оттуда две железнодорожных ветки.

– Часто бываешь на Спасе?

– Иногда. Знаешь, в Малой есть команда энтузиастов-путешественников по труднодоступным местам России. Здорово? Блог в интернете. С Парфенкой была дважды. Его уговорить целое дело: вот в Питер с радостью. А я не люблю суеты больших городов.

Дорога по одной из веток оказалась вполне приличной и до следующего поворота доехали быстро, а дальше... Семен остановил мотоцикл:

– Мда-а! Куда сворачивать, их несколько?

– Лесовозный путь! Осенью здесь грязное месиво, места болотистые, а в былые времена проходил значимый тракт. Теперь не верится.

– Далеко до озера?

– Когда попадем в полную засаду – озеро близко, – Аэлита засмеялась.

– Очень мило, – Сеня улыбнулся в ответ, поворачивая к девушке лицо, и подставил губы. Аэлита поцеловала:

– Вперед, мой герой!

Ехали медленно, временами езда напоминала кувыркание по гатям. Семен остановился:

– Привал!

Аэлита спрыгнула с мотоцикла и махнула рукой:

– Смотри! Видишь?

Молодой человек взгляделся: за тонкими деревцами высился полуразрушенный купол церкви, а внизу блестело огромное озеро.

– Спасо-Оскупская церковь. – Пояснила девушка. – За ней погост. Раньше здесь монахи жили, очень скудно жили.

– Надо думать, место гиблое.

– А раньше в здешних местах деревни стояли, рыбы, зверя видимо-невидимо. Говорю про пятнадцатый-шестнадцатый века. Присмотрись, в нашей округе засуха, а тут, в глуши, грибов пруд пруди.

После слов Аэлиты Семен огляделся: боровики и подосиновики отовсюду глядели на них, и воскликнул:

– Вот это да! Коли рыбы не поймает, грибной обед обеспечен!

– Ну, ну. Только рыбы здесь море. Кому ловить? Бывший тракт лесовозами разбит.

– Проверим заодно. А куда селяне подевались?

– Николаевская железная дорога строилась, вот и подались в поисках заработков. В частности Малая Вишера появилась, как узловая станция.

– Хм. На Урале жизнь меняется, а тут сам бог велел. Кому охота в лесу диковать?

– А твоя заимка как? Не жаль с насиженного места?

– Не знаю. Ясен перец, вырос там, душой прикипел, но жизнь не хочу мимо пропустить. Тебя встретил, и сердце радо, ладошка моя.

– Я живу не в городе, а в городке деревенского типа, и уезжать не собираюсь на легкие хлеба в большие города. Да

и воздух здесь чище.

Семен деловито укладывал заготовленный путешественниками хворост:

– Приятно, о нас позаботились, и мы в долгу не останемся. – Присел на корточки, чиркнул спичкой. Ветки, что порох. – Голодна?

– Чуть-чуть.

– Не скромничай. Доставай тушенку и макароны: для начала забомбим припасы, а к вечеру дары матушки природы. Идет? – Аэлита кивнула, широко улыбаясь, потянула рюкзак с продуктами. – Гиблое место, а чертовски красивое! Надо полагать, водятся лешак, кикимора с русалками и водяной.

Девушка засмеялась:

– И не говори, ночью сова ухнет, как завизжу, то-то бесовщина померещится: вурдалаки, оборотни, человек лесной.

– Смейся, смейся, только нечистый по таким болотам, как пить дать, шарится. Парфёнка знает человека, который сам андошку видел.

– С Антошкой водку хлестал, привиделся андошка, еще приврал с четыре короба, у него не заржавеет.

– Ты тоже знаешь этого человека – перед тобой!

– Смеешься? Может, с медведем спутал?

– Не однажды на бурого ходил, как спутать? А папку, еще ребенком, лесной человек из воды вытащил, совсем тонул. Веришь?

– Н-не знаю, чудно как-то. А вампиры бывают?

– Раньше бывали: только они не были мертвяками, легенды верно назвали «не мертвые». Заболевание крови: человек становится страшным внешне, и обуреваем жадой крови. Тогда переливание не делали, в итоге больной погибал, и чужая кровушка не спасала. Легенды на былинах строятся. Самые бурные фантазии сбываются: полет в космос, подводная лодка, роботы? Замечала?

Аэлита кивнула.

Семен зачерпнул ложкой варево:

– Готово! – Снял с огня котелок, просунув под самодельную дужку палку, опустил на траву, – айда мыть руки!

Смеясь, припустили к воде. Берег в этом месте надежен, плотен. Аэлита долой босоножки и по щиколотки в воду. Семен не отстает:

– Хочешь искупаться?

– А слабо?

– Ну, если любишь холодные макароны...

– Обожаю!

Подхватил девушку на руки, закружил, припевая:

– Любители холодных макарон пошли купаться в озере.

Аэлита крепко обхватила шею молодого человека, и умильно произнесла:

– Уютно на руках, тепло, надежно.

– Но-но, не подлизывайся, напросилась, не жди пощады! – Вода подступила к его талии, и он слегка приподнял на руках драгоценную ношу, – бросаю! – и присел с Аэлитой на руках.

– Что же? Испугался? Я отлично плаваю, к тому же здесь мелко. Отпускай! Все равно одежда мокрая!

– Не отпускаю! Своя ноша не тянет. Я буду носить любимую всю жизнь!

– Согласна! Давай хоть нырнем вместе.

– Давай! – Погрузился с головой под воду, окунув Аэли-ту. Когда вынырнули, фыркая и смеясь, Семен предложил, – хочешь, подкину?

– Высоко?

– Постараюсь!

– Давай!

Семен аккуратно поставил Аэлиту на песчаное дно, и, согнув ноги в коленках, сцепил руки замком:

– Вставай!

Девушка, придерживая Семена за шею, встала на замок:

– На счет три! Раз, два, три!

Семен подбросил как можно сильнее. Описав дугу в воздухе, та плавно ушла головой в воду, и вынырнула на поверхность метрах в десяти от мужчины.

– Однако! – Восхитился Семен, – ныряешь, как нерпа. Здорово! Ещё?

– Однако, – подражая сибирскому говору, возразила Аэлита, – бежим к макаронам, пока кабан не сожрал.

– Кабан? – Сеня обернулся: к костровищу приближался мощный зверь, потряхивая головой и мелко семеня. – А ну! – что есть силы завопил Семен, – пшёл вон, морда кудлатая! –

Размахивая руками, он припустил к стоянке, отчаянно думая о макаронах.

Животное остановилось в паре шагов от котелка, громко сопя, жадно втягивая возбуждающий аромат съестного, и оценивающе посмотрело на человека. От человека не пахло страхом, и всем видом он показывал, что не намерен уступить добычу. Самка человека шла следом, и кабан понял, что оба человеческих существа голодны. Зверь, нехотя потрусил в лес.

– Напугалась? – Семен обернулся, поджидая любимую.

– Еще бы! Огромный кабанище, просто слон. Уфф! До сих пор дрожат поджилки.

– Макароны теплые! Садись есть.

– От страха и голод забыла.

– А ты, однако, понюхай. Тушеночка говяжья – красота. Я вот заметил, что в походе самая обычная печеная картошка – деликатес. Без всякого масла. А зверей не бойся, я слово знаю.

– Какое слово?

– Дружеское. Зверь все понимает. Держи ложку и заколдованную ложку. – Протянул девушке крышку от походного котелка и алюминиевую ложку, – мои дружки по Чечне. Не холодно в мокрой одежде?

– Куда там, холодно? Жара, лето на дворе. Футболка почти высохла. Заманчиво пахнет! М-м! – Девушка с аппетитом стала есть.

– А говоришь, расхотелось. Хочешь пива?

– Не люблю алкоголь. И тебе не советую. Лучше чайник на огонь поставь. Скажи, отчего после купания пить охота?

– Черт его знает! Вода водичку любит.

Аэлита засмеялась:

– Ну и мудрец! Эдак и я бы сказала. А почему любит?

– Ешь, знай, и помалкивай.

– Мило, – девушка побледнела, и опустила котелок на землю.

– Тебе нездоровится?

– Всё хорошо. Чуть резануло в боку. – Она подняла котелок и задумчиво приступила к трапезе.

– Это бывает, организм-таки. А насчет вина?

– Я уже все сказала. Папаша крепко закладывал, сорока не было сгорел от водки. Насмотрелась.

– Что ж, такое дело. Я тоже не буду.

– Выкинешь? – В глазах Литы мелькнула озорная искорка.

– Нет, не выкину. Фенька деньги тратит на выпивку, ему и отдам. Кстати, а как Парфёнка к нетерпимости?

– Как? – Аэлита засмеялась, – очень просто: не пьешь – не пей, а я выпью.

– М-да, не знаю, что сказать по этому поводу.

– Ничего. Думаешь о его отношении ко мне?

Семен промолчал.

– Спасибо, очень вкусно, – девушка отставила котелок.

– На здоровье, как говорит моя мама.

Помолчала:

– Скажи, себя любишь?

Сеня отставил пустую миску, встал, поворошил палкой угольки, положил два крупных полена и пожал плечами:

– К чему эти новомодные штучки, психология всякая? Жизнь для того, чтобы быть счастливым, мое счастье рядом, и я хочу сберечь его. Допустим, люблю себя, но тебя люблю больше жизни. Веришь?

– Верю. Станный человек, тебе не нравится вопрос.

– Ты не такая, как другие, и вопросы пусть отличаются, пусть не будут расхожими фразами, однако.

– Для тебя я не такая, как все, но это неправда. Обычная девушка.

Семен отрицательно покачал головой:

– Особенная!

Аэлита засмеялась:

– Хорошо. Особенная. Значит и ты необыкновенный. Не отрицай! У особенной девушки должен быть особенный любимый.

– Должен быть, но...

Аэлита закрыла ладошкой рот Семена:

– Милый, поцелуй меня! Вот так! Еще!

Семен прильнул к губам девушки, едва сдерживая дрожь желаний, боясь показаться искушителем:

– Любимая, Ладушка моя!

Он, тихонько дотронулся до груди, ожидая отказа,

но Аэлита была податлива, распахнула свои объятия и приняла его любовь.

– Ты уедешь, останется ночь. – Прошептала девушка.

– Я вернусь! Обязательно, – Семён задыхался от нежности и благодарности. Чувство не было похожим на то, что молодой человек испытывал к Наталке. Семён понял, что полюбил сильно и страстно, как говорят, по-настоящему. Обнимая, держал руки почти на весу, боясь, что хрупкому небесному созданию будет тяжело.

– Сеня, не отдавай меня..., – жалобно сказала Аэлита.

– Что ты?

– Не отдашь?

– Кому?

– Ей. – Аэлита вздрогнула, будто очнувшись, – не обращай внимания на мои бредни.

– Глупенькая, тебе привиделось?

– Сеня, буду ждать вечно.

– Обещаю, встретимся через неделю и навсегда. Наша любовь сильнее расставаний, болезней и...

– И?

– Вспомнил, что не любишь громких фраз. Прости, говорю, как умею. Тугодум достался ангелу. – Припал губами к маленькой ладошке.

– Когда-то в детстве кормила с руки лошадь и у нее были такие же теплые губы, она фыркала, а я смеялась. Было щекотно.

Семен фыркнул. Аэлита засмеялась и, обхватив голову любимого, шепнула:

– Знаешь, что увидела? Белые камни выложены кругом, посередине большой костер, в нем гроб и я в белом платье, покойница, рядом вы с Парфёном плачете. Я говорю, не плачьте, мне хорошо, но вы почему-то глухи и не слышите. Рядом Спасское озеро хмурится, рябит.

– Фантазерка милая! Жить до ста, вот о чем сон. Умрем глубокими старцами в окружении детей, внуков, правнуков и праправнуков.

– Не знаю, что лучше: старость или смерть.

– Ты не состаришься.

– Если умру, сожги мое тело по обряду далёких предков, часть пепла развей, горсть схорони в озере, и малую толику, любимый, возьми себе. Приходи сюда в годовщину, и щепотку бросай в костер: тогда я буду говорить с тобой, являться зверем смирным и есть с руки. Закончится пепел, явится избавление от боли. Пусть пройдет два, нет, три года. Потом начнешь жить с начала, женишься, родишь детей.

Семен передернул плечами:

– Мороз по коже от видений. Лучше поцелуй своего единственного. Смерти нет, пока мы вместе, помни. Посмотри на меня: кого видишь? Деревенского недотёпу, который готов развесить уши на всякую небылицу. А ты и рада стараться, однако признайся, специально выдумала, напугать хотела.

– Конечно, – Аэлита засмеялась, – идем чернику есть, с куста ягода слаще. Давай, у кого синее губы, тот победил!

– Идет!

– Только смотри под ноги, гадюк немерено.

Взявшись за руки, побежали в лесок, а там ягод – гребни лопатой. Крупные, солнцем слащенные, чистый мед.

– Экая быстрина, не угнаться за тобой, моя любушка!

– Сдавайся!

– Сдаюсь! – Семен шутливо поднял руки.

– Дёшево хочешь отделаться, ложись ничком, проси пощады!

Семен лег на спину, хохоча и щурясь от пронзительного ощущения счастья:

– Пощади раба, великая царица!

Аэлита ступила ногой ему на грудь:

– Казнить через отрубание головы!

– Головы нельзя, смилуйся, матушка царица! Чем я буду есть?

Аэлита засмеялась, убрала ногу:

– Ладно, иди ко мне, негодник!

Два дня пролетели, как миг. Безоблачное счастье Семёна нарушали только мысли о предстоящем объяснении с матерью и Натальей.

Он купил билет на поезд с учетом работы, предложенной Парфёном. Крышу сделали за три дня, и четвертый он целиком провел с любимой.

Рано утром Семен вышел из дому, торопясь на вторую утреннюю электричку, что идёт в семь с копейками. Аэлита ждала у калитки: с другом и тетей Женей простился дома, и последняя смотрела на него из окошка, задумчиво подперев рукой подбородок. Рюкзак за плечами был лёгким, хотя мама Парфёна положила еду в дорогу.

Аэлита выглядела усталой, но храбро улыбалась:

– Привет, Сеня! Как спалось?

Сеня пожал плечами:

– Сама то, вижу, вовсе не спала, вид умученный.

– Ничего, уедешь, отосплюсь.

Семён обнял её за плечи:

– Обещай, что не будешь много думать: моё дело разобраться с Натальей, а твое – ждать.

Аэлита кивнула с печальным выражением лица.

– Ну вот, – протянул Семен, – может, лучше останешься, зачем тебе черная вокзальная тоска? По себе знаю, каково стоять на перроне, провожая близкого человека. Сеструха с мужем уезжала: мать ревмя ревела, а я смотрел на уходящий поезд и с каждой минутой старел на год. Тогда осознал, как мы близки с Милкой. А ведь она старше на четыре года, маленьким нянькала, всюду таскала. Мать в поле, Мила из школы встретит, с уроками поможет, накормит. Что говорить?

Аэлита вздохнула:

– У меня нет братьев-сестер. Верно, так хорошо, когда

есть брат или сестра. Я всегда мечтала, а мама говорила, бросит отец в бутылку глядеть, тогда рожу. Не дождалась.

Они подошли к станции: вдали маленькой точкой показался состав.

– Может, останешься? – Опять спросил Семен, – зато не придется одной из Питера добираться.

Аэлита мотнула головой. Электричка остановилось двурью напротив молодых. Заняли места, девушка положила голову на плечо Семена и замерла. Тот сидел, затаив дыхание, впитывая тепло, негу, испытывал всепоглощающую любовь к милому доверчивому созданию.

– Милая, верно, не спала ночь. – Думал он, – я, чурбан, дрых, яко сурок. А ведь мне предстоит объяснение, оставляю невесту. Почему совесть не грызет, не изводит. Может, в самом деле, с Наталкой не любили, а играли в киношные чувства? Хорошо слез и упреков избежать.

Аэлита вздрогнула и подняла голову:

– Я уснула? – Извиняющимся тоном.

– Спи, любимая, счастлив, что спишь на моем плече. Спи, я с тобой, все хорошо.

– Нет, нет, хочу смотреть на тебя, дай руку, – прильнула щекой к его ладони, не сводя глаз с лица Семена. Тот ласково улыбнулся:

– На время расстаемся!

– Для меня навек. – Она порылась в сумочке, – хочу подарить тебе вот что, – достала сотовый телефон, – сим-карта

внутри. Держи и позвони обязательно.

Семен отрицательно покачал головой:

– Не возьму!

– Почему? Не принимаешь подарков от женщин? Глупо.

– Знаю, не прав! Боюсь, любовь примет оттенок вещизма.

Жди телеграмму или позвоню с почты.

– На заимке почта имеется? – Недоверчиво спросила девушка.

Семен засмеялся:

– Слава Богу, нет. Но в пяти километрах село, где есть почта, магазины, и даже средняя школа, в которой учился твой любимый, – он поцеловал Аэлилу в мягкие податливые губы. – Учти, я не рвану туда на мотоцикле, не покачу на велосипеде, а попутному шоферу рукой, ехай мимо. Каждый день на почту через лес и поле, хилый мосток, кинутый через ручей, впадающий в нашу Вишеру. С каждым шагом расстояние до любимого голоса будет сокращаться, и под конец ноги побегут. Вот оно, счастье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.